

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ТАНЕЦ ОТРАЖЕНИЙ

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Макмастер Буджолд

Танец отражений

«Издательство АСТ»

1994

Буджолд Л.

Танец отражений / Л. Буджолд — «Издательство АСТ»,
1994 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

ISBN 5-17-028920-0

Майлз Форкосиган – сын высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр – один из самых известных героев американской фантастики 80 – 90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. «Танец отражений» – настоящий подарок любителям фантастики. Вас ждет новая встреча с Майлзом и Марком, с Эйрелом и Корделией Форкосиган и многими – многими другими...

ISBN 5-17-028920-0

© Буджолд Л., 1994
© Издательство АСТ, 1994

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1

Через весь зал ожидания крупнейшей эскобарской орбитальной станции протянулся ряд комм-кабинок с зеркальными дверями, наискось перечеркнутыми мерцающими радужными полосками. Не иначе находка дизайнера. Отражение дробилось в треугольных зеркалах, намеренно расположенных под разными углами. Коротышка в сером с белым мундире скорчил рожу своему расколотому отражению.

Отражение криво ухмыльнулось в ответ.

Офицерская форма наемника – китель с накладными карманами, широкие брюки, высокие ботинки. Все предельно точно. А под мундиром? Он тщательно изучал отражение. Скрюченный карлик с большой головой и короткой шеей – настоящий урод, никакой надежды затеряться в толпе. Аккуратно подстриженные темные волосы. Пронизывающий взгляд серо-стальных глаз из-под темных бровей. Все предельно точно.

Он ненавидел это.

Наконец зеркальная дверь скользнула в сторону, и из комм-кабинки вышла женщина в легкой блузе и свободных шароварах. Модельный патронташ с дорогой электроникой, висевший на изящной декоративной цепочке, лучше всяких слов говорил о ее положении в обществе. Наткнувшись на его мрачный пристальный взгляд, женщина отшатнулась, а затем осторожно обогнула его, растерянно повторяя: «Разрешите, пожалуйста... Извините...»

Пытаясь сгладить неловкость, он выдавил из себя подобие улыбки, пробормотал нечто невнятное и поспешно скрылся в кабинке.

Один. Наконец-то. Пусть только на несколько секунд, в тесной, неуютной комм-кабинке. В воздухе еще витал легкий аромат ее духов, смешанный с запахами пищи, человеческих тел, пластика, металла и дезинфекции. Он выдохнул, сел и, пытаясь унять дрожь в руках, прижал ладони к пульту.

Не совсем один. И здесь проклятое зеркало – не иначе как для удобства посетителей, желающих привести себя в надлежащий вид перед выходом на связь. Встретив затравленный взгляд темных, запавших глаз, он демонстративно отвернулся от зеркала. Коротышка выложил на пульт содержимое карманов. Все его имущество уместилось на столике в две ладони шириной. Последняя проверка. Словно от этого что-то изменится...

Кредитная карточка на три сотни бетанских долларов: достаточно, чтобы беззаботно прожить неделю на орбитальной станции или пару месяцев внизу, на планете. Три поддельных удостоверения на каких-то вымышленных персон и ни одного – на того человека, кем он был сейчас. Кем он был раньше. Кем бы он ни был. Дешевая пластмассовая расческа. Куб с данными. Вот и все. Он тщательно разложил все по карманам, оставив только кредитную карточку. Карманов оказалось больше, чем вещей. Он хмыкнул. «Уж зубную щетку-то мог бы и захватить...» Слишком поздно.

Да, слишком поздно. Кошмар нарастает, ситуация выходит из-под контроля, а он сидит здесь, пытаясь обрести хладнокровие. «Ну, давай. Один раз тебе уже удалось это проделать. Удастся и теперь». Он вставил кредитную карточку и по памяти набрал номер. В последний момент, невольно встретившись взглядом со своим отражением, он постарался скрыть все чувства под маской холодной доброжелательности. Улыбка сейчас все равно не получилась бы. И вообще эту улыбку он презирал.

Экран с шипением ожил, и в кабине возникло объемное изображение женщины, одетой в такую же серую с белым форму, но только со знаками различия и с именной эмблемой на кармашке.

– Офицер связи Герелд, «Триумф», дендарийский свободный...

Военная инспекция Эскобара требовала, чтобы на всех военных судах при выходе из п-туннеля оружие упаковывалось и опечатывалось. Наемников пропускали в эскобарское пространство лишь после официального заявления, что они прибыли сюда в чисто коммерческих целях. Видимо, офицер связи заботилась о соблюдении приличий.

Облизнув губы, он спокойно проговорил:

– Соедините меня, пожалуйста, с дежурным офицером.

– Адмирал Нейсмит! Сэр! Вы вернулись! – Женщина вскинула голову, глаза ее радостно заблестели. Ему было почти физически больно от такой реакции. – Что слышно? Скоро отправляемся?

– В свое время, лейтенант... Герелд. – «Почти „герольд“ – подходящее имя для офицера связи». Он заставил себя улыбнуться. Да, адмирал Нейсмит непременно улыбнулся бы. – В свое время вы все узнаете. А пока я хочу, чтобы меня забрали с орбитальной станции.

– Слушаюсь, сэр. Я пошлю за вами. Вы с капитаном Куин?

– Э-э... нет.

– Когда она вернется?

– ...Позже.

– Хорошо, сэр. Я только попрошу разрешение на... Мы должны забрать... э... какое-нибудь оборудование?

– Нет. Только меня.

– Значит, разрешение на капсулу для персонала... – Она на несколько секунд отвернулась. – Ждите минут через двадцать в стыковочном узле E-17.

– Прекрасно. – За это время он как раз успеет добраться до причала. Интересно, должен ли он сказать напоследок что-то неофициальное? Она-то его знает, а вот знает ли он ее? С этой секунды каждая фраза, которая сорвется с его губ, содержит в себе опасность – опасность неизвестности. Опасность ошибки. А за ошибки приходится платить. Правилен ли его бетанский выговор? Он ненавидел все это. Ненавидел до тошноты.

– Пусть меня доставят прямо на «Ариэль».

– Так точно, сэр. Вы хотите, чтобы я предупредила капитана Торна? – «А может, адмирал Нейсмит имеет привычку устраивать неожиданные проверки? Ладно, по крайней мере не в этот раз».

– Предупредите. Скажите, чтобы подготовили корабль к выходу с орбиты.

– Только «Ариэль»? – Она удивленно подняла брови.

– Да, лейтенант.

Вот это он произнес как истинный бетанец: слегка нараспев, скучающе, словно порицая собеседницу за нарушение правил – то ли безопасности, то ли этикета, то ли того и другого вместе. Он мог поздравить себя: Герелд сразу подтянулась, и если у нее и было намерение задать еще какой-нибудь вопрос, то теперь оно явно исчезло.

– Так точно, сэр.

– Конец связи.

Он отключил комм и облегченно вздохнул. Изображение, рассыпавшись искрами, исчезло. Адмирал Нейсмит. Майлз Нейсмит. Ему надо вновь привыкнуть отзываться на это имя. Даже во сне. Лорда Форкосигана следует пока забыть, оставаясь лишь частью этого человека. Нелегко. Как тебя зовут? Майлз. Майлз. Майлз.

Лорд Форкосиган играет роль адмирала Нейсмита. Он – тоже. В конце концов какая разница?

«Но кто же ты на самом деле? Как тебя зовут?»

От злости и отчаяния потемнело в глазах. Он попытался расслабиться.

«Меня зовут так, как я сам того пожелаю. И сейчас я желаю, чтобы меня звали Майлз Нейсмит».

Он вышел из кабинки и засеменил по залу ожидания, стараясь не замечать косых взглядов.

«Посмотрите на Майлза. Посмотрите, вот бежит Майлз. Посмотрите, Майлз получает по заслугам».

Он шагал, опустив голову, и все расступались перед ним.

Как только на датчиках стыковочного узла загорелась зеленая лампочка, он нырнул в крошечный четырехместный катер и поспешно захлопнул за собой крышку люка. Он проплыл над спинками кресел – катер был слишком мал, чтобы поддерживать там гравитационное поле, – и осторожно опустился рядом с пилотом.

– Все в порядке. Можем отправляться.

Пилот радостно усмехнулся и небрежно отдал честь. Он производил впечатление человека серьезного и рассудительного, но на лице его застыло то же выражение, что и у офицера Герелд: возбужденное, взволнованное, полное жадного любопытства, как у ребенка, который ждет, что сейчас ему покажут фокус.

Когда капсула послушно отделилась от стыковочного узла и повернула, он посмотрел через плечо. Они уносились в открытый космос. Сигналы диспетчерской полетов разноцветной сетью оплели экран пульта управления, и пилот быстро вел их через эту сеть.

– Приятно снова вас видеть, адмирал, – проговорил пилот, когда сеть поредела. – Что происходит?

Голос пилота звучит несколько официально, но в данном случае так спокойнее – просто товарищ по оружию, а не старый добрый друг или, еще хуже, подруга. «Адмирал» уклончиво ответил:

– Вам сообщат – всему свое время.

Он предусмотрительно избегал имен и званий, но старался говорить приветливо.

Пилот заинтересованно хмыкнул – похоже, ответ ему понравился.

«Нейсмит» откинулся на спинку сиденья, напряженно улыбаясь. Огромная пересадочная станция бесшумно удалялась, и вот уже виден только дальний отблеск огней.

– Извините. Я немного устал. – Он поудобнее устроился в кресле и закрыл глаза. – Если я засну, разбудите меня перед стыковкой.

– Да, сэр, – уважительно отозвался пилот. – Похоже, отдохнуть вам не помешает.

«Адмирал» ответил усталым взмахом руки и притворился, что дремлет.

Он всегда мог мгновенно узнать, что его приняли за Нейсмита. У всех на лицах появлялось идиотское сияние. Не все его боготворили: доводилось встречаться и с врагами Нейсмита, но, боготворящие или ненавидящие, они все реагировали. Словно их вдруг включали и они становились в десять раз живее, чем прежде. Как ему это, черт возьми, удастся? Заставлять людей вот так вспыхивать? Ну конечно, Нейсмит чертовски гиперактивен, но как он заражает этим окружающих?

На него самого что-то никто так не реагировал. Все оставались флегматичными и вежливыми или просто флегматичными, замкнутыми и равнодушными. И втайне испытывали неловкость из-за его явно ненормальной внешности. Да, неловкость и еще – настороженность.

Как всегда от подобных мыслей у него разболелась голова. Это чертово преклонение, или как это еще назвать... И все – Нейсмит.

«Нейсмиту, а не мне... Никогда не мне».

И тут ему стало страшно – нет, только не думать о том, что предстоит... Бел Торн, капитан «Ариэля». Друг, подчиненный, и вдобавок бетанец – да, уж это трудное испытание. Торн знал о существовании клона – тот инцидент на Земле два года назад. Они никогда не встречались лицом к лицу. С Торном он не имеет права на ошибку – это может вызвать подозрение, догадку...

Даже это Нейсмит у него украл. Адмирал флота наемников публично и лживо объявил клоном себя самого. Великолепное прикрытие, маскирующее его второе «я», его другую жизнь.

«У тебя две жизни, – рассеянно обратился он к отсутствующему противнику. – А у меня ни одной. Ведь это же я настоящий клон, черт возьми. Неужели нельзя было оставить мне хотя бы это».

Нет. Только без паники. Он справится с Торном. Пока можно будет избегать пугающей Куин, его телохранителя и любовницы. Куин. Тогда на Земле он ведь смог целое утро водить ее за нос. Но глупо рассчитывать, что такое повторится. Но Куин сейчас с настоящим Майлзом Нейсмитом: их водой не разольешь. На этот раз никаких старых любовниц.

У него еще не было любовниц. Может, несправедливо винить Нейсмита и в этом. Первые двадцать лет своей жизни он был настоящим пленником, хотя и не всегда это понимал. Последние два года... Последние два года – сплошная катастрофа, горько признался он себе. И сейчас – его последний шанс. А что дальше? Об этом лучше не думать. Нет смысла. Нет, на этот раз все получится.

Рядом пошевелился пилот, и он открыл глаза – торможение вжимало в кресло. Они подлетали к «Ариэлю». Легкий крейсер иллириканской постройки. Экипаж – двадцать человек, плюс место для крупного груза и отряда коммандос. Для такого типа кораблей «Ариэль» великолепно вооружен. И вид у него увертливый, почти нахальный. Прекрасный курьерский корабль – как раз в таком можно улепетывать во все лопатки. Несмотря на мрачное настроение, при виде корабля он невольно улыбнулся.

«А теперь я беру, а ты даешь, Нейсмит».

Пилот подвел капсулу к захватам стыковочного узла почти без удара – аккуратнее просто невозможно. Конечно, старается для своего адмирала.

– Мне ждать, сэр?

– Нет. Вы свободны.

Пилот поспешно занялся герметичными дверями и проводил его лихим салютом и еще одной идиотской улыбкой. Он изобразил ответный салют и улыбку, схватился за поручни люка и поднялся в гравитационное поле «Ариэля».

Он ловко встал на ноги в небольшом погрузочном отсеке. Позади него пилот капсулы уже запечатывал люк, чтобы вернуться со своим корабликом к месту отлета – вероятно, к флагману «Триумф». Он посмотрел вверх – как всегда вверх – в лицо ожидавшего его дендарийского офицера. Это лицо он не раз внимательно разглядывал на головидео.

Капитан Бел Торн был бетанским гермафродитом – раса, возникшая в результате ранних экспериментов генной инженерии, закончившихся появлением еще одного меньшинства. Безбородое лицо Торна обрамляли мягкие каштановые волосы, постриженные двусмысленно-коротко. Офицерский китель расстегнут, черная футболка обтягивает явно женскую грудь. Серые форменные брюки достаточно свободного покроя и скрывают выпуклость под ширинкой. Некоторые чувствовали себя в присутствии гермафродитов очень неловко. Он с облегчением понял, что для него это, похоже, не проблема.

«Не клонам судить... что?»

На самом деле больше всего в гермафродите его беспокоило все то же выражение лица «Я-люблю-Нейсмита». Ощущая сильную дурноту, он ответил на салют капитана «Ариэля».

– Добро пожаловать на борт «Ариэля», сэр! – звучный голос даже вибрировал от энтузиазма.

«Нейсмит» натянуто улыбнулся, а гермафродит радостно заключил его в объятия. У него оборвалось сердце – и он с трудом подавил инстинктивное желание вырваться. Он выдержал объятие, пытаясь собрать разбегающиеся мысли и вспомнить приготовленные речи.

«Надеюсь, он не собирается меня целовать!»

Гермафродит отстранил его, фамиллярно держа за плечи. Слава Богу, обошлось без поцелуя. Он облегченно вздохнул. Торн наклонил голову, озадаченно улыбаясь:

– Что произошло, Майлз?

Они зовут друг друга по имени?!

– Извините, Бел. Просто немного устал. Может, перейдем сразу к инструкциям?

– У вас очень усталый вид. Ладно. Хотите, чтобы я собрал всю команду?

– Нет. Вы сможете инструктировать их по мере необходимости.

Так требовалось по плану: как можно меньше прямых контактов с дендарийцами.

– Ну так пойдёмте ко мне в каюту – можете снять сапоги и выпить чаю, пока мы будем говорить.

Гермафродит вышел за ним в коридор. Не зная, в какую сторону повернуть, он сделал вид, что вежливо пропускает Торна вперед. Он плелся за дендарийцем по нескольким поворотам – а потом на следующий уровень. Внутри корабль оказался не таким уж тесным. Он старался запомнить все направления. Нейсмит хорошо знал этот корабль.

Каюта капитана «Ариэля» оказалась аккуратной небольшой комнаткой, по-солдатски скромной, и закрытые дверцы шкафчиков очень мало говорили о личности хозяина. Торн открыл шкафчик и достал оттуда старинный фарфоровый чайный сервиз и пару дюжин небольших баночек с различными сортами чая с Земли и других планет. Все было тщательно упаковано в специально изготовленные пенопластовые чехлы.

– Какой? – спросил Торн, остановив руку над баночками.

– Как всегда, – ответил он, опускаясь в кресло, прикрепленное к полу у небольшого столика.

– Следовало бы мне догадаться. Клянусь, я все же заставлю вас попробовать что-нибудь более рискованное!

Торн странно улыбнулся: нет ли тут какого-то скрытого смысла? Позвонив еще немного, Торн поставил на столик фарфоровую чашечку с тонкой ручной росписью. «Адмирал» взял чашечку и осторожно отпил глоток, пока Торн, установив еще одно кресло в зажимы, налил себе чаю и наконец уселся, удовлетворенно хмыкнув.

Оказалось, что горячая янтарная жидкость имеет достаточно приятный вкус, хотя и немного терпкий. Сахар? Он не посмел попросить. Торн его на стол не поставил. Он наверняка бы это сделал, если бы думал, что Нейсмит захочет сахара. Ведь вряд ли Торн устроил ему тонкую проверку? Значит, без сахара.

Наемники, пьющие чай! Этот напиток казался недостаточно ядовитым, чтобы подходить к выставке – нет, арсеналу оружия на стене: два парализатора, игольчатое ружье, плазмотрон, сверкающий металлом арбалет с набором гранат-дротиков в подвешенном рядом патронташе. Торн считался мастером своего дела. Если это так, то совершенно не важно, что пьет это существо.

– Вы что-то слишком задумчивы. Надо полагать, вы на этот раз прибыли с игрушечкой, а? – спросил Торн после паузы.

– Следующее задание, да. – Он от души надеялся, что Торн имел в виду именно это. Гермафродит кивнул и приготовился внимательно слушать. – Мы должны кое-кого забрать. Не настолько много, как бывало, конечно... – Торн расхохотался. – Но не без сложностей.

– Сложнее Дагулы-IV быть не может. Ну, говорите, говорите!

Он потер губы характерным для Нейсмита жестом:

– Налет на ясли клонов дома Бхарапутра на Архипелаге Джексона. Надо вычистить их полностью.

Торн собирался было закинуть ногу на ногу, но удивленно замер.

– Убить? – недоверчиво спросил он.

– Клонов? Нет, увезти! Всех.

– О! Уф-ф... – Торн облегченно вздохнул. – Мне на секунду представилась жуткая картина. Ведь они же все-таки дети. Пусть даже и клонированные.

– Вот именно. Я... рад, что вы именно так на это смотрите.

– А как еще? – Торн пожал плечами. – Пересадка мозга в клонов – самое чудовищное и непристойное дело из всего пакостного перечня услуг дома Бхарапутра. Если только у них нет чего-нибудь похуже, о чем я пока не слышал.

– Вот именно.

Он откинулся на спинку кресла, изумленный столь быстрым согласием. Искренне ли говорит Торн? Ему-то самому слишком хорошо известны ужасы клонирования. Он их пережил. Он не ожидал, что его точку зрения можно принять, если не испытал всего этого на себе.

Строго говоря, дом Бхарапутра занимался не клонированием. Их бизнес – бессмертие, или по крайней мере продление жизни. И это было очень выгодным делом: как можно оценить стоимость жизни? По максимальной рыночной цене. Процедура, которую предлагал дом Бхарапутра, была рискованной, далеко не идеальной... Но альтернатива – близкая смерть, и безжалостные и, надо признать, дальновидные богачи выбирали риск.

Устраивалось все просто, хотя хирургическая операция, на которой все и основывалось, была чудовищно сложной. Из соматической клетки заказчика выращивали клон: сначала он рос в маточном репликаторе, а потом дорастивался до физической зрелости в яслях Бхарапутры – нечто вроде роскошно обставленного детского дома. Ведь в конце концов клоны очень ценные, их физическое состояние и здоровье чрезвычайно важны. Потом, в нужный момент, их пожирали. Во время операции, успех которой отнюдь не гарантирован, мозг пересаживался из стареющего и изношенного тела в дубликат, находящийся в расцвете юности. А мозг клона рассматривался как отходы.

Операция считалась нелегальной везде, кроме Архипелага Джексона. Но это вполне устраивало правящие преступные дома. Это обеспечивало им монополию, надежное дело и много клиентов – поток богачей с других планет позволял хирургам поддерживать великолепную форму. Насколько он мог судить, отношение других планет к подобной практике выражалось поговоркой «С глаз долой – из сердца вон». Искренний добропорядочный гнев в глазах Торна коснулся такой болезненной точки, что он чуть было не разрыдался.

«Скорее всего это просто уловка».

Он протяжно выдохнул – еще один нейсмитизм.

Торн сдвинул брови, о чем-то задумавшись:

– Вы уверены, что следует брать «Ариэль»? Насколько мне известно, барон Риоваль еще жив. Это наверняка привлечет его внимание.

Дом Риоваль был одним из более мелких соперников дома Бхарапутра в том, что касалось незаконной медицины. Он специализировался на производстве генетически измененных или хирургически сформированных людей для любых целей, включая сексуальные, – фактически рабов, выполненных на заказ. Он готов был согласиться с тем, что это преступно, но не это смертельно мучило его. А вот какое отношение к барону Риовалю имеет «Ариэль»? Он понятия не имел. Пусть Торн сам об этом беспокоится. Может, позже гермафродит скажет что-то более понятное. Клон напомнил себе, что надо будет при первой же возможности ознакомиться с вахтенными журналами.

– Это задание не имеет никакого отношения к дому Риоваль. Мы будем их избегать.

– Я очень на это надеюсь, – с жаром согласился Торн. Он помолчал, задумчиво прихлебывая чай. – Ну, несмотря на то, что Архипелаг Джексона давно требует хорошенькой уборки – предпочтительно с использованием атомного оружия, – я полагаю, что мы идем на это отнюдь не по доброте сердечной. И что за... э-э... задание на этот раз стоит за основным заданием?

На такой вопрос он подготовил ответ заранее.

– По правде говоря, нашего нанимателя интересует только один клон – вернее, его родитель. Остальные – просто дымовая завеса. У клиентов Бхарапутры множество врагов. Они не будут знать, кто именно нападает и на кого. Таким образом, личность нашего нанимателя, который желает остаться неизвестным, остается тайной.

Торн довольно ухмыльнулся:

– Насколько я понимаю, эта небольшая тонкость – ваших рук дело.

«Нейсмит» пожал плечами:

– В некотором смысле.

– Не следует ли нам знать, какой именно клон нам нужен, чтобы предотвратить несчастный случай или другие неожиданности при отступлении? Он нужен нашему нанимателю живым или это не важно? Если реальная цель – тот старый перечник, который его заказал...

– Им важно. Он должен быть жив. Но... будем считать, что все клоны – это именно тот, кто нам нужен.

Торн развел руками:

– Я возражать не стану. – Глаза гермафродита радостно заблестели. – Давно пора заняться этими джексоновскими подонками! О, это будет здорово! – Он оскалил зубы в прямо-таки пугающей ухмылке. – Какая помощь у нас будет на Архипелаге Джексона? Система безопасности?

– Ни на что не рассчитывайте.

– Гм. А сколько помех. Естественно, не считая Бхарапутры, Риоваля и Фелла.

Дом Фелл занимался главным образом вооружением. Какое отношение имеет ко всему этому Фелл?

– Я знаю не больше вашего.

Торн нахмурился: похоже, это не типичный нейсмитовский ответ.

– У меня много точной информации о яслях – я смогу проинструктировать вас за время полета. Послушайте, Бел, что я буду учить вас, как надо работать? Я вам доверяю. Возьмите на себя подготовку и планирование, а я проверю окончательный результат.

Торн выпрямился:

– Хорошо. О скольких ребятишках идет речь?

– Бхарапутра выполняет в среднем одну такую операцию в неделю. Скажем, у них запланировано пятьдесят в год. В последний год жизни клонов их переводят в специальное здание около штаб-квартиры дома – для окончательной подготовки. Я хочу забрать весь годовой запас. Пятьдесят или шестьдесят ребятишек.

– И всех запихнуть на «Ариэль»? Тесновато будет.

– Скорость, Бел, скорость.

– Угу. Наверное, вы правы. Расписание?

– Как можно скорее. Каждая неделя отсрочки стоит жизни еще одному невинному ребенку.

Последние два года он жил по этому календарю. «Я уже растратил сто жизней». Один только перелет с Земли на Эскобар обошелся ему в тысячу бетанских долларов и четыре погибших клона.

– Понял, – мрачно сказал Торн, поднимаясь из-за стола и убирая чашку. Он переставил свое кресло в пазы у комм-устройства. – Этот клон назначен на операцию, да?

– Да. А если не он, то его товарищ по яслям.

Торн начал стучать по клавишам:

– А как насчет средств? Это по вашему ведомству.

– Тут нам заплатят по конечному результату. Возьмите сколько нужно из фондов флота.

– Хорошо. Приложите свою ладонь сюда, чтобы подтвердить мой запрос.

Торн подставил ему сенсорную пластину.

Он не колеблясь приложил ладонь. К его ужасу, на пульте зажегся красный сигнал неузнавания.

«Нет! Все должно получиться, должно!»

– Чертова машина. – Торн резко стукнул пластину об стол. – Веди себя пристойно. Еще раз.

На этот раз он приложил ладонь, чуть дернув ее в последний момент. Компьютер переварил новые данные и на этот раз объявил, что все в порядке. Слава Богу. Он почувствовал, что сердце его начало биться ровнее.

Торн ввел новые данные и бросил через плечо:

– Нет вопросов о том, какую именно команду вы хотите выбрать на это дело, а?

– Нет, – глухо отозвался он. – Действуйте.

Ему надо отсюда поскорее выбираться, пока он не испортил такое удачное начало.

– Вам отвести ту же каюту, что и всегда? – осведомился Торн.

– Конечно.

Он встал.

– Скоро, насколько я понимаю... – Гермафродит вглядывался в светящуюся путаницу сведений и расписаний, загоревшуюся над пластиной комма. – Пластина замка по-прежнему настроена на вашу ладонь. Полежите, у вас совсем измученный вид. Все под контролем.

– Прекрасно.

– Когда появится Элли Куин?

– Она на это задание не полетит.

Торн явно удивился.

– Вот как! – Почему-то его улыбка стала шире. – Жаль.

В его голосе не слышалось и тени сожаления. Какое-то соперничество? Интересно, из-за чего?

– Пусть с «Триумфа» пришлют мои вещи, – распорядился он. Правильно, надо перепоручить и это тоже. Все перепоручить. – И... когда у вас будет время, скажите, чтобы мне в каюту принесли поесть.

– Будет сделано, – пообещал Торн, решительно кивнув. – Кстати, хорошо, что вы ели нормально – пусть и не спали. Молодец. Так держать. Мы ведь за вас беспокоимся.

Нормально ел – черта с два! При таком росте ему становилось все труднее не полнеть. Он три месяца голодал, чтобы влезть в мундир Нейсмита, который украл два года назад и который сейчас на нем. Новая волна ненависти к своему родителю захлестнула его. Он вышел, небрежно отдав честь, надеясь, что Торн примет этот жест за приглашение продолжать работу, и с трудом удержал тихое рычание до того момента, как за ним сдвинулись створки двери.

Пришлось прикладывать ладонь ко всем замкам подряд. Оставалось только надеяться, что никто из дендарийцев не видел его позора. В конце концов он отыскал свою каюту – напротив каюты капитана-гермафродита. На этот раз при прикосновении ладони дверь открылась сразу же.

Каютка оказалась небольшой, совершенно такой же как у Торна, но только менее заставленной. Он проверил шкафы. Почти все оказались пустыми, но в одном он обнаружил серую полевую форму и замызганный комбинезон техника как раз своего размера. В ванной комнате он нашел зубную щетку и печально усмехнулся. Аккуратно застеленная кровать, убиравшаяся в стену, выглядела ужасно притягательно, и он упал на нее в полуобмороке.

«Я уже в пути. Все получилось!»

Дендарийцы его приняли, приняли его приказы и пошли за ним с тем же идиотским слепым доверием, с каким они шли за Нейсмитом. Стадо баранов. Теперь самое трудное позади.

Он быстро принял душ и как раз надевал брюки Нейсмита, когда принесли еду. Воспользовавшись тем, что не одет, он побыстрее выпроводил услужливого дендарийца с подносом.

Под крышками оказалась настоящая еда, а не полевые рационы. Прожаренный бифштекс из мясного заменителя, свежие на вид овощи, несинтетический кофе. Горячие блюда были горячими, холодные – холодными, красивые маленькие порции точно рассчитаны на аппетит Нейсмита. Даже мороженое. Он узнал любимые блюда своего родителя и заново поразился тому, сколько неизвестных ему людей спешат принести ему именно то, чего ему хочется, – вплоть до мельчайших деталей. Конечно, высокое звание связано с определенными благами, но это казалось настоящим безумием.

В крайне угнетенном состоянии он съел все, что было на подносе, и как раз соображал, съедобна ли пенистая зеленая штука, заполняющая пустые места на тарелке, когда снова зазвонел дверной сигнал.

На этот раз вошел рядовой дендариец с парящей платформой, на которой было три больших ящика.

– А! Мои пожитки. Поставьте их пока на пол.

– Есть, сэр. Вам не нужен денщик?

Выражение лица рядового ясно говорило, кто первым вызовется занять эту должность.

– Нет... пока нет. Пожалуй, здесь будет слишком тесно. Просто оставьте все здесь.

– Я буду рад все для вас распаковать, сэр. Я все паковал.

– Все в порядке.

– Если я что-то пропустил, только дайте мне знать – я сейчас же все доставлю.

– Спасибо, капрал.

«Нейсмита» уже несколько раздражало рвение капрала, и, к счастью, тот понял, что несколько перестарался. Капрал снял ящики с платформы и удалился с виноватой улыбкой, словно говорившей: «Эй, ну не обижайтесь – я просто так».

Он улыбнулся в ответ, стиснув зубы, но как только дверь закрылась, моментально переключился на ящики. Открыв крышки, он помедлил, удивляясь собственному нетерпению. Наверное, это похоже на подарки ко дню рождения. Ему никто никогда не дарил подарков.

«Ну, так будем навестывать упущенное».

В первом ящике оказалась одежда – столько одежды у него еще никогда в жизни не было. Комбинезоны техников, полевая и повседневная форма, парадный мундир... Он достал бархатный серый китель, с удивлением подняв брови при виде сверкающих серебряных пуговиц. Ниже оказалась обувь: сапоги, ботинки, туфли, тапочки. И пижамы. Все в соответствии с военными требованиями, все точно ему впору. И гражданская одежда – восемь или десять костюмов в различных планетных и галактических традициях и на всевозможных социальных уровнях. Эскобарский деловой костюм из красного шелка, барраярский полувоенный китель и брюки в полосочку, бетанский саронг с сандалиями, обтрепанные куртка, рубашка и штаны, которые мог бы где угодно надеть неудачливый портовый грузчик. Множество нижнего белья. Три типа хроно со встроенными комм-устройствами: одно обычное, дендарийское, одно – очень дорогая коммерческая модель и одно с виду дешевенькое и поцарапанное, но оказавшееся одной из лучших военных моделей. И еще многое, многое другое.

Он перешел ко второму ящику и изумленно разинул рот. Космическая броня. Полные космические доспехи для боя, с заряженными аккумуляторами и системами жизнеобеспечения, с закрепленным и готовым к бою оружием. Как раз его размера. Казалось, она светится темным зловещим блеском. В нос ударил запах брони – невероятно военный: металл и пластик, энергия и химия... и старый пот. Он вытащил шлем и с любопытством посмотрел на затемненное зеркальное стекло. Он никогда не надевал космической брони, хотя изучал все это снаряжение до одури. Зловещий, смертоносный панцирь...

Он все выгрузил и разложил по порядку на полу. То тут, то там сверкающая поверхность была обезображена странными разводами, шрамами и заплатками. Какое оружие, какие удары

смогли повредить прочный сплав? Дотрагиваясь до металла, он понял, что каждый такой шрам нес смерть.

Это его обеспокоило.

«Нет! – Он отогнал холодную дрожь сомнения. – Если он это может, я тоже могу!»

Он постарался не замечать отремонтированных мест и пятен на самой броне и ее мягкой абсорбирующей подкладке, аккуратно убирая все обратно в ящик. Кровь? Ожоги? Масло? Все равно все уже вычищено и дезодорировано.

В третьем ящике, поменьше, оказалась полуброня – без встроенного оружия и рассчитанная не на космос, а на боевые действия на поверхности планеты при нормальной или почти нормальной силе тяжести, температуре и атмосферных условиях. Самая удивительная деталь – командирский шлем – гладкая штука со встроенной телеметрией и голопроектором надо лбом, передающим все необходимые данные так, что они оказываются прямо перед глазами командующего. Поток данных регулируется определенными гримасами и голосовыми командами. Он оставил шлем на столе, чтобы потом поближе с ним познакомиться, а все остальное снова запаковал.

К тому времени, как он кончил прятать одежду по шкафам и ящикам, он уже пожалел о том, что так поспешно отказался от денщика. Он упал на постель и погасил свет. Когда он проснется в следующий раз, он уже будет на пути к Архипелагу Джексона...

Он только задремал, когда услышал сигнал комм. Он неловко поднялся, с трудом выдавив достаточно убедительное «Нейсмит слушает».

– Майлз? – сказал Торн. – Прибыл отряд командос.

– Э-э... Прекрасно. Уходим с орбиты.

– А вы разве не хотите с ними встретиться? – удивился Торн.

Инспекция. Он с шумом выдохнул:

– Конечно. Я... сейчас приду. Нейсмит разговор закончил.

Он поспешно натянул форменные брюки, на этот раз выбрав китель с соответствующими знаками различия, и быстро вызвал на экран план корабля. Для боевых катеров было предусмотрено два стыковочных узла: на носу и на корме. Который? Пожалуй, лучше выяснить, как добираться до обоих.

Работал первый узел, к которому он вышел. Нейсмит на секунду остановился в тени и тишине коридора, пока его еще никто не заметил.

Посадочную площадку заполнили дюжина мужчин и женщин в сером полетном камуфляже, а также горы оборудования и припасов. Ручное и тяжелое вооружение было сложено аккуратными пирамидами. Наемники стояли или сидели, громко переговариваясь, просто и грубовато, перемежая разговоры взрывами хохота. Они все были такие рослые, их так переполняла энергия, что они полусутоливо натыкались друг на друга, словно для того, чтобы можно было кричать еще громче. Ножи и другое личное оружие было закреплено на поясах, в кобурах или патронташах – весьма демонстративно. Лица их сливались, словно у стада животных. Он с трудом сглотнул, выпрямился и шагнул к ним.

Эффект оказался мгновенным.

– Головы выше! – крикнул кто-то. Не ожидая дальнейших приказов, все вытянулись по стойке «смирно» в две аккуратные шеренги, и сразу стало тихо. Это казалось еще более пугающим, чем царивший только что хаос.

С натянутой улыбкой он пошел вперед, делая вид, что осматривает каждого. Последний тяжелый вещмешок дугой вылетел из люка и стукнулся о палубу. Тринадцатый командос протиснулся в корабль, выпрямился и отдал ему честь.

Он застыл, парализованный ужасом. Что за чертовщина? Он смотрел в начищенную пряжку ремня, а потом задрал голову, чуть не вывихнув шею. Эта чертова штука – в три с лишним метра ростом! От чудовищно огромного тела исходила сила, которую он ощутил,

словно волну жара. А лицо... лицо словно из какого-то кошмара. Золотистые глаза, как у волка, неестественный, чуть выдающийся вперед рот – с клыками, черт побери! На огромных руках – когти, толстые, мощные, острые, как бритва... накрашенные алым лаком... Что?.. Его взгляд еще раз скользнул по лицу чудовища. Глаза были подведены карандашом и золотистыми тенями, с которыми перекликалась небольшая золотая звездочка, эффектно наклеенная под углом глаза. Волосы цвета красного дерева заплетены в замысловатую косу. Пояс туго затянут, подчеркивая некое подобие фигуры несмотря на свободный серый полетный камуфляж. Это чудище женского рода?...

– Сержант Таура и Зеленый отряд прибыли, сэр!

Низкий голос звучно разнесся по посадочному отсеку.

– Спасибо! – У него получился только надтреснутый полусшепот, и он откашлялся, прочищая горло. – Спасибо, свободны, получите указания от капитана Торна, всем вольно. – Они напряглись, ожидая, чтобы он повторил приказ. – Все свободны!

Они рассыпались в беспорядке – или, может быть, в известном только им одним порядке, – и посадочный отсек неимоверно быстро опустел. Чудовищный сержант задержалась, нависнув над ним. Он чуть было не бросился наутек от этого... от нее.

Чудище доверительно сказала:

– Спасибо, что выбрал Зеленый отряд, Майлз. Насколько я поняла, ты нашел для нас настоящую конфетку.

Опять его зовут по имени?

– Капитан Торн проинструктирует всех в пути. Это... непростая миссия.

– Капитан Куин как всегда знает все детали? – Она вопросительно приподняла мохнатую бровь.

– Капитан Куин... в этой операции не участвует.

Он готов был поклясться, что ее золотые глаза широко раскрылись, зрачки расширились. Губы раздвинулись, обнажив клыки, и он, ужаснувшись, не сразу понял, что это – улыбка. Почему-то это напомнило ему ухмылку, с которой Торн встретил то же известие.

Она подняла голову – других дендарийцев вокруг не было.

– А? – басовито промурлыкала она. – Ну, на этот раз твоей телохранительницей буду я, любовь моя. Дай только знак.

Какой знак, какого черта?..

Она нагнулась, морща губы, рука с алыми ногтями сжала его плечо... Ему вдруг представилось, как она отрывает ему голову и съедает, но тут ее губы прижались к его губам. У него остановилось дыхание, в глазах потемнело, и он чуть не потерял сознание, прежде чем она выпрямилась, кинув на него недоумевающе-обиженный взгляд.

– Майлз, в чем дело?

Это был поцелуй!.. Всемогушие боги...

– Ничего! – с трудом выдавил он из себя. – Я... болен. Мне, наверное, не следовало вставать, но надо было проинспектировать...

Она страшно встревожилась:

– Конечно, тебе не следовало вставать! Ты ведь весь дрожишь! Еле на ногах держишься. Ну-ка, я отнесу тебя в лазарет. Ненормальный!

– Нет! Ничего страшного. То есть меня уже лечили. Просто какое-то время мне надо отдыхать и приходить в себя, только и всего.

– Ну, так сейчас же отправляйся в постель!

– Да.

Он быстро повернулся. Она шлепнула его по задку. Он прикусил язык. Она сказала:

– По крайней мере ты стал лучше есть. Береги себя, ладно?

Он помахал ей через плечо и удрал, не оглядываясь. Солдатское панибратство? Со стороны сержанта по отношению к адмиралу? Не похоже. Это – близость.

«Нейсмит, психованный подонок, чем ты занимался в свободное время? Мне казалось, у тебя нет свободного времени. Ты просто чокнутый маньяк-самоубийца, если якшался с этой...»

Он запер за собой дверь каюты и прислонился к ней спиной, весь дрожа, истерически хохоча и не веря увиденному. Черт возьми, он изучал Нейсмита вдоль и поперек! Этого просто не может быть.

«Если есть такие друзья, зачем тогда враги?»

Он разделся и лежал на кровати, обдумывая жизнь Нейсмита-Форкосигана, пытаясь угадать, какие еще ловушки его ожидают. Наконец легкое изменение шорохов и скрипов корабля, меняющиеся гравитационные поля заставили его осознать, что «Ариэль» уходит с эскабарской орбиты. Ему на самом деле удалось похитить полностью вооруженный и оснащенный скоростной военный крейсер – и никто даже не догадался об этом. Они летят к Архипелагу Джексона. К его судьбе. Его, а не Нейсмита. Наконец мысли утащили его в сон.

«Но если ты можешь взять свою собственную судьбу, – прошептал в самый последний момент его насмешливый демон, – почему ты не берешь свое имя?»

Глава 2

Они спустились по трапу пассажирского корабля взявшись за руки. Куин легко закинула на плечо вещмешок, Майлз тащил сумку. На них все оборачивались – в зале ожидания орбитальной пересадочной станции их появление не осталось незамеченным. Майлз гордо поглядывал на свою спутницу, равнодушно шагавшую мимо восхищенных мужчин. Майлз ловил в их взглядах плохо скрытую зависть. «Моя Куин».

Сегодня утром Куин выглядела как никогда подтянутой. Кстати, а утро ли сейчас? Надо бы свериться со временем дендарийского флота... Ей даже удалось добиться, что ее серые форменные брюки с многочисленными карманами выглядят как последний писк моды: она их заправила в красные замшевые сапоги (стальные набойки на носках совсем незаметны), а сверху коротенькая алая маечка. Белоснежная кожа, темные короткие кудри, алая майка – просто великолепно! Яркие цвета скрывали атлетизм ее фигуры – о нем можно было судить, только зная вес ее вещмешка.

Влажные карие глаза освещали лицо остроумием. Но голоса мужчин замирали на полуслове главным образом из-за идеально правильных линий ее лица. Очевидно, дорогостоящее лицо, произведение хирурга-художника, обладавшего несравненным гением. Невнимательный наблюдатель мог бы решить, что за это лицо заплатил маленький уродец, который держал ее под руку, и сделать вывод, что и сама женщина тоже куплена. Невнимательный наблюдатель никогда не догадался бы, какую цену она на самом деле заплатила: свое старое лицо, сожженное в бою у Тау Верде. Почти первая потеря на службе адмирала Нейсмита... Уже десять лет тому назад? Господи! Невнимательный наблюдатель – просто дурак, решил Майлз.

Последним представителем этого класса оказался богатый служащий (Майлзу он показался блондинистым гражданским вариантом его кузена Айвена), который пребывал в таком заблуждении весь двухнедельный путь от Зергияра до Эскобара, пытаясь ее соблазнить. Майлз мельком увидел сейчас, как он грузит свои вещи на гравитационную платформу, досадливо вздыхая. Майлз не обижался – если не считать того, что тот напомнил ему Айвена. По правде говоря, Майлзу было его почти жаль, так как юмор у Куин такой же убийственный, как и ее профессиональная реакция.

Майлз указал подбородком на удаляющегося эскобарца и пробормотал:

– И что же ты в конце концов сказала такое, что тебе удалось от него избавиться, милая?

Куин посмотрела в ту сторону, чтобы понять, о ком речь, и рассмеялась, озорно сощутив глаза.

– Если я тебе скажу, ты застесняешься.

– Не застесняюсь. Вот увидишь.

– Я сказала, что ты можешь отжиматься с помощью языка. Наверное, он решил, что не может с тобой тягаться.

Майлз покраснел.

– Я не позволила бы ему зайти так далеко, если бы не была абсолютно уверена в том, что он чей-то агент, – извиняющимся тоном добавила она.

– А теперь ты убедилась в обратном?

– Да. Очень жаль. Так было бы гораздо забавнее.

– Не для меня. Мне нужны были небольшие каникулы.

– Да, и тебе это пошло на пользу. Видно, что ты отдохнул.

– Мне очень нравится наше новое прикрытие для путешествия – семейная пара. Меня оно устраивает. – Он сделал более глубокий вдох. – Так медовый месяц у нас был – почему бы теперь не устроить свадьбу?

– Ты никогда не сдаешься, да?

Она старалась говорить беззаботно, но он почувствовал, как у нее дрогнула рука, и понял, что причинил ей боль. Мысленно он обругал себя последними словами.

– Извини. Я обещал не поднимать эту тему.

Она пожалала тем плечом, на котором не висел вещмешок, высвободив при этом словно случайно свой локоть, и зашагала, агрессивно размахивая рукой.

– Беда в том, что ты не хочешь сделать меня мадам Нейсмит, грозой дендарийцев. Ты хочешь, чтобы я была барраярской леди Форкосиган. Это должность планетная. Я родилась в космосе. Даже если бы я вышла за грязежора, спустилась бы в какой-нибудь колодец... Я все равно не выбрала бы такую дыру, как Барраяр. Не хочу оскорбить твой дом.

«Почему бы и нет? Все так делают».

– Ты понравилась моей матери, – сказал он.

– А я ею восхищаюсь. Я встречалась с нею уже... сколько... четыре раза, и она поражает меня все сильнее. Но чем сильнее мое восхищение, тем больше меня возмущает то, как Барраяр преступно тратит ее таланты. Останься она на Колонии Бета, сейчас была бы уже генеральным директором Бетанской астроэкспедиции. Или кем угодно, кем бы захотела.

– А она захотела быть графиней Форкосиган.

– Она захотела потрястись твоим па, который, надо признать, довольно-таки потрясает. А на остальную касту форов ей начхать. – Куин остановилась вне поля слышимости эскобарских таможенных инспекторов, и Майлз остановился рядом с ней. Оба смотрели перед собой, а не друг на друга. – Несмотря на весь ее стиль, она – женщина усталая. Барраяр столько из нее высосал! Барраяр – ее рак. И медленно убивает ее. – Майлз молча помотал головой. – И твой тоже, лорд Форкосиган, – серьезно прибавила Куин.

На этот раз это он вздрогнул. Она это почувствовала и вскинула голову:

– И вообще, мой любимый маньяк – это адмирал Нейсмит. По сравнению с ним лорд Форкосиган – просто зануда. Я видела тебя дома, на Барраяре, Майлз. Ты там словно половина себя. Какой-то притихший, завявший. У тебя голос – и тот звучит тише. Это ужасно странно.

– Я не могу... Я должен там приспособливаться. Всего одно поколение тому назад человека с таким странным телом, как у меня, просто убили бы как подозрительного мутанта. Я не могу заставить развитие идти слишком далеко – и слишком быстро. Я слишком легкая мишень.

– Именно поэтому Имперская служба безопасности дает тебе такое количество заданий вне планеты?

– Для моего роста как офицера. Чтобы расширить мой кругозор, увеличить мой опыт.

– И в один прекрасный день они тебя окончательно отсюда загребут, возьмут домой и выжмут весь этот опыт обратно – себе на потребу. Словно ты – губка.

– Я и сейчас им служу, Элли, – тихо напомнил он. – Сейчас, потом – и всегда.

Она отвела глаза:

– Ладно... И когда они приколотят подошвы твоих башмаков к полу там, на Барраяре, я хочу получить твою работу. Я хочу когда-нибудь стать адмиралом Куин.

– Ничего не имею против, – добродушно заметил он. Работа – да. Пора лорду Форкосигану и его личным желаниям убираться восвояси. И вообще пора бы ему перестать по-мазохистски снова и снова прокручивать этот дурацкий разговор с Куин о женитьбе. Куин – это Куин, он не хочет, чтобы она стала не-Куин, даже ради... лорда Форкосигана.

Несмотря на подавленность, вызванную собственной глупостью, предвкушение возвращения к дендарийцам заставило его ускорить шаг, когда они прошли через таможенный контроль в чудовищно огромную пересадочную станцию. Куин права. Он явственно ощущал, как Нейсмит вновь заполняет его, распространяясь из каких-то неведомых глубин сознания до самых кончиков пальцев. До свидания, зануда Майлз Форкосиган, очень тайный агент Имперской службы безопасности (которому давно бы пора получить следующее звание). Привет, ослепительный адмирал Нейсмит, космический наемник и солдат удачи.

Или неудачи. Он замедлил шаг, когда они оказались у рядов комм-будочек, выстроившихся вдоль стены зала ожидания, и кивком указал на зеркальные двери.

– Посмотрим сначала, как там наш Красный отряд. Если они готовы к выписке, я хотел бы лично спуститься и забрать их.

– Хорошо.

Куин плюхнула вещмешок в опасной близости от обутых в сандалии ног Майлза, зашла в ближайшую будочку, вставила в щель карточку и набрала код.

Майлз поставил дорожную сумку, сел на мешок и стал смотреть на нее через дверь. Он поймал свое расколотое отражение в дверце соседней будочки. Темные брюки и свободная белая рубаша скроены так, что невозможно угадать, с какой они планеты, но, как и подобает путешествующему молодому человеку, одежда абсолютно гражданская. Недурно.

Было время, когда он носил мундиры, как черепаший панцирь высоконадежной социальной защиты для своего странного тела. Как броню принадлежности, говорившую: «Не связывайтесь со мной. У меня есть друзья». Когда он перестал так отчаянно в этом нуждаться? Он точно не знал.

Если уж на то пошло, то когда он перестал ненавидеть свое тело? Прошло уже два года со времени его последнего серьезного ранения – во время операции по освобождению заложников, которая прошла сразу же после той невероятной заварухи с его братом на Земле. Он уже достаточно долгое время чувствовал себя совершенно здоровым. Он несколько раз сжал и разжал руки с пластиковыми костями и ощутил их столь же своими, как и до того, как их в последний раз разломали. И до того, как их в первый раз сломали. У него не было обострения артрита уже несколько месяцев.

«Я не испытываю боли, – осознал он, мрачно усмехаясь. И это дело рук не только Куин, хотя Куин действует очень... оздоравливающе. – Не становлюсь ли я на старости лет нормальным?»

«Радуйся, пока можешь».

Ему двадцать восемь – и он наверняка на пике здоровья. Он чувствовал этот пик, захватывающий дух взлет к апогею. Спуск – дело отдаленного будущего.

Голоса из комм-будочки вернули его к настоящему. Куин связалась с Сэнди Герелд:

– Привет, вот и я.

– Привет, Куини. Я тебя ждала. Чем могу быть полезна?

Майлз даже издали заметил, что Сэнди опять сотворила со своими волосами что-то странное.

– Я только что сошла с корабля сюда, на пересадочную станцию. Планирую небольшой крюк. Мне нужен транспорт на планету, чтобы забрать выживших из Красного отряда, а потом обратно на «Триумф». Какое у них сейчас состояние?

– Подожди секундочку. Сейчас скажу...

Лейтенант Герелд вызвала данные на соседний дисплей.

По залу ожидания прошел мужчина в сером дендарийском мундире. Он заметил Майлза и нерешительно кивнул, видимо, опасаясь, что странная одежда адмирала – свидетельство тому, что он здесь инкогнито. Майлз успокоительно помахал ему, и мужчина, улыбнувшись, пошел дальше. Мозг Майлза моментально выдал ненужные данные. Трейвис Грей, полевой техник, в настоящее время числится при «Перегрине», отслужил шесть лет, специалист по коммуникационному оборудованию, собирает классическую допереходную музыку Земли...

Сколько таких сведений о личном составе сейчас у него в голове? Сотни? Тысячи?

А вот и новые. Герелд снова повернулась к ним и выпалила:

– Айвза отпустили на планету в увольнение, Бойда вернули на «Триумф» долечиваться. Восстановительный центр Бошен сообщает, что Дурэм, Вайфиан и Азиз готовы к выписке, но сначала они хотят поговорить с кем-нибудь из начальства.

– Хорошо.

– Ки и Зеласки... О них они тоже хотят поговорить.

Куин сжала губы.

– Хорошо, – глухо повторила она. У Майлза сжалось сердце. Он подозревал, что разговор будет не слишком приятным. – Тогда дай им знать, что мы едем, – добавила Куин.

– Да, кэп. – Герелд переключила файлы на своем дисплее. – Будет сделано. Какой катер вам нужен?

– Хватит маленького катера для личного состава с «Триумфа», если вам не надо одновременно захватить какой-нибудь груз из Бошена.

– Оттуда ничего не надо.

– Ладно.

Герелд проверила свой экран:

– Согласно эскобарским диспетчерам, я могу пристыковать второй катер к стыковочному узлу G-26 через тридцать минут. У вас будет разрешение сразу же отправляться на планету.

– Спасибо. Передай всем: когда мы вернемся, будет брифинг для капитанов и капитанов-владельцев. Который сейчас час в Бошене?

Герелд посмотрела в сторону:

– Девять ноль шесть в двадцатишестичасовых сутках.

– Утро. Великолепно. Какая погода?

– Чудесная. Одежда летняя.

– Хорошо, можно будет не переодеваться. Мы сообщим, когда будем готовы вылететь из порта Бошен. Куин разговор закончила.

Майлз сидел на вещмешке, уставившись на носки своих сандалий и погружившись в неприятные воспоминания. Это была одна из самых трудных контрабандистских операций дендарийцев: они доставили на Мэрилак военных советников и вооружение для поддержки сопротивления цетагандийцам. Боевой катер А-4 с «Триумфа» попал под вражеский огонь на последнем перелете к кораблю. На нем находился весь Красный отряд и несколько мэрилаканцев. Пилот, лейтенант Дурэм, несмотря на смертельное ранение и шок, привел свой искореженный и горящий катер с достаточно низкой скоростью столкновения к захватам стыковочного узла «Триумфа», так что экипажу корабля удалось подвести аварийные трубы, прорезать корпус катера и извлечь всех, кто в нем находился. Они успели отстрелить поврежденный катер прежде, чем тот взорвался и «Триумф» ушел с орбиты, избежав мести цетагандийцев. И вот операция, которая начиналась как простая, легкая и тайная, опять превратилась в ту героическую неразбериху, которую Майлз начал уже ненавидеть. Неразбериху, конечно, а не героизм.

Результат после надрывающей сердце первой помощи: двенадцать тяжело раненных, семеро не поддаются поддержанию жизни в условиях «Триумфа» и криогенно заморожены в надежде на последующую помощь, трое окончательно и необратимо мертвы. Теперь предстоит узнать, сколько из тех семерых должны перейти в третью категорию. Лица, имена, сотни ненужных сведений водопадом обрушились в его сознание. Первоначально он планировал находиться на борту того последнего катера, но вылетел раньше – возникли непредвиденные обстоятельства...

– Может, они и не в таком уж плохом состоянии, – сказала Куин, читая по лицу его мысли. Она протянула руку, он встал с вещмешка и взял сумку.

– Я сам столько времени провел по больницам, что не могу не сопереживать им, – объяснил он свою мрачность. Хотя бы одну идеальную операцию! Чего бы только он не дал за одну идеальную операцию, где не случилось бы ничего непредвиденного! Может, следующая будет именно такой...

Больничный запах ударил Майлзу в нос сразу же, как только они с Куин вошли в двери Восстановительного центра Бошена – клиники, специализирующейся на криотерапии, с которой дендарийцы наладили отношения на Эскобаре. Этот запах не был неприятным – не вонь, а просто странная острота кондиционированного воздуха. Но в его жизни эта гамма запахов была четко связана с болью, и сердце учащенно забилося. Он сделал глубокий вдох и осмотрелся. Вестибюль был оформлен по последнему слову технотехнологий всего Эскобара: чистый, но обставленный дешево. Основные деньги вложены в помещения наверху – в криооборудование, лаборатории по регенерации тканей, операционные.

Один из старших партнеров фирмы, доктор Арагонс, спустился встретить их и провести наверх, в свой кабинет. Майлзу кабинет Арагонса понравился: он был беспорядочно завален инфодисками, историями болезни и оттисками журнальных статей – среда технократа, увлеченного своим делом. И сам Арагонс ему тоже понравился: крупный добродушный мужик с бронзовой кожей, благородным профилем и седеющими волосами, дружелюбный и прямой.

Доктор Арагонс был огорчен, что не может сообщить о более успешных результатах.

– Вы привозите нам такое безобразие и ожидаете чудес, – пожаловался он, неловко поворачиваясь в кресле, когда Майлз с Куин уселись. – Если хотите обеспечить себе чудеса, вам следует начинать, когда вы только готовите моих бедняг-пациентов к лечению.

Арагонс никогда не употреблял слово «трупольдышки» или подобные прозвища, придуманные солдатами. Он всегда говорил «мои пациенты». И это Майлзу тоже в нем нравилось.

– Как правило, к сожалению, наши потери происходят не на регулярной и размеренной основе, – ответно извинился Майлз. – В данном случае в лазарет одновременно попали двадцать восемь человек с самыми разнообразными повреждениями: глубокими травмами, ожогами, химическим отравлением... Первая помощь некоторое время была чудовищной, пока не стало ясно, что к чему. Мои люди сделали все, что могли. – Он помедлил. – Как вы считаете, будет смысл послать на повышение квалификации наших медтехников, и если да, то не согласитесь ли вы вести семинар?

Арагонс развел руками и задумался.

– Возможно, удастся что-то устроить... Перед уходом поговорите с администратором Маргарой.

Куин дождалась кивка Майлза и сделала пометку на плате отчета.

Арагонс вызвал на экран коммюнике истории болезни:

– Сначала о самом плохом. Мы ничем не смогли помочь мистеру Ки и мисс Зеласки.

– Я... видел, какое ранение в голову получил Ки. Я не удивлен. – Раскололась, как арбуз... – Но у нас была свободная криокамера, вот мы и решили попробовать.

Арагонс понимающе кивнул:

– У мисс Зеласки была та же проблема, хотя и не настолько очевидная. Во время травмы мозговое кровообращение было настолько нарушено, что кровь из ее мозга не удалось вывести надлежащим образом и соответственно наполнить мозг криожидкостью. Из-за кристаллов, образовавшихся при замораживании, и множественных гематом мозговые функции оказались полностью нарушены. Мне очень жаль. Их тела сейчас хранятся у нас в морге в ожидании ваших инструкций.

– Ки хотел, чтобы его тело было возвращено для погребения его семье. Пусть ваш морг подготовит и отправит его обычным порядком. Мы сообщим адрес. – Он мотнул головой в сторону Куин, которая сделала еще одну пометку. – У Зеласки не числится никаких родных – некоторые дендарийцы не хотят или не могут указать своих близких, и мы не настаиваем. Но она как-то раз говорила своим приятелям в отряде, как бы она хотела быть погребенной. Пожалуйста, кремируйте ее останки и направьте их на «Триумф».

– Хорошо.

Арагонс убрал с экрана истории болезни, и они исчезли, как отлетевшие души. На их место он вызвал следующие.

– Ваши мистер Дурэм и мисс Вайфиан оправились от ран только отчасти. Оба страдают тем, что я охарактеризовал бы как нормальную посттравматическую и криоамнезию. У мистера Дурэма потеря памяти более обширная – отчасти из-за осложнений в связи с мозговыми пилотскими имплантатами, которые нам пришлось удалить.

– А он сможет получить новый имплантат?

– Пока об этом говорить рано. Я бы сказал, что у обоих долгосрочный прогноз благоприятный, но они по крайней мере год не смогут вернуться в строй. И потом им понадобится значительная переподготовка. В обоих случаях я настоятельно рекомендую, чтобы они возвратились к себе домой, к семьям, если это возможно. Знакомая обстановка обеспечивает и стимулирует восстановление сохранившихся воспоминаний – со временем.

– Семья лейтенанта Дурэма – на Земле. Мы позаботимся, чтобы он туда попал. Техник Вайфиан – со станции Клайн. Посмотрим, что можно сделать.

Куин энергично кивнула, делая новые пометки.

– Тогда я сегодня же могу их выписать. Здесь мы сделали все, что могли, а для остального достаточно обычных условий. Так... остается ваш мистер Азиз.

– Мой рядовой Азиз, – согласился с этим утверждением Майлз. Азиз три года служил у дендарийцев, подал заявление на офицерскую подготовку и получил положительное решение. Двадцать один год.

– Мистер Азиз... снова жив. То есть его тело существует без помощи искусственных средств, не считая некоторых проблем с внутренней терморегуляцией, которые, похоже, решаются сами собой.

– Но у Азиза не было ранений в голову. Что случилось? – спросил Майлз. – Вы хотите сказать, что он будет вести чисто растительное существование?

– Боюсь, мистер Азиз стал жертвой плохой предварительной подготовки. Создается впечатление, что кровь у него отводилась поспешно и процедура была проведена недостаточно тщательно. Небольшие замерзающие капли крови создали у него в мозгу сеть омертвевших участков. Мы их удалили и начали рост новых, которые успешно прижились. Но его личность потеряна безвозвратно.

– Вся?

– У него могли сохраниться тревожащие обрывки воспоминаний. Сны. Но он не может восстановить нейронные пути через новые цепочки, потому что сама ткань исчезла. Новый человек начнется с почти младенческого состояния. Помимо всего прочего, он утратил речь.

– У него восстановится интеллект? Со временем?

Арагонс слишком долго молчал:

– Через несколько лет он, возможно, будет в состоянии выполнять достаточно простые действия, чтобы жить самостоятельно.

– Понятно, – вздохнул Майлз.

– Что вы хотите с ним сделать?

– У него тоже нет сведений о близких. – Майлз протяжно вздохнул. – Переведите его в Центр длительной опеки здесь, на Эскобаре. Такой, чтобы там было хорошее лечебное отделение. Я попрошу вас рекомендовать нам такое. Я создам фонд, из которого будут оплачиваться все расходы до той поры, как он сможет жить самостоятельно. Сколько бы времени на это ни потребовалось.

Арагонс кивнул, и они с Куин сделали соответствующие пометки.

Уладив еще несколько административно-финансовых вопросов, они закончили совещание. Майлз настоял на том, чтобы зайти повидать Азиза и только потом забрать двоих выздоравливающих.

- Он не узнает вас, – предупредил доктор Арагонс, когда они входили в палату.
- Ничего.

На первый взгляд Майлз решил, что Азиз не выглядит так, что краше в гроб кладут, несмотря на уродливую больничную рубашу. Цвет лица у него был хороший, но он лежал, запутавшись в одеялах, худой и равнодушный. У кровати были подняты боковины, неприятно напоминая колыбель или гроб. Куин встала у двери, скрестив руки. У нее тоже больницы и восстановительные центры сидели в печенках.

- Аззи, – мягко окликнул Майлз, наклоняясь к нему. – Аззи, ты меня слышишь?

Взгляд Азиза на мгновение остановился на нем.

– Я знаю, что ты меня не узнаешь, но потом, может быть, ты об этом вспомнишь. Ты был хорошим солдатом, умным и сильным. Ты не подвел своих товарищей во время катастрофы. У тебя была та собранность, которая спасает жизни окружающим... – «Но не тебе самому». – Завтра тебя переведут в другую больницу, где тебе помогут выздоравливать дальше. – «Среди незнакомых людей. Опять незнакомых». – О деньгах не беспокойся. Я устрою так, чтобы их у тебя было столько, сколько нужно. – «Он не знает, что такое деньги». – Я буду время от времени справляться о тебе, – пообещал Майлз. Кому он это обещал? Азизу? Азиза больше нет. Себе самому? Голос его звучал все тише и тише.

Слуховая стимуляция заставила Азиза забиться и издать громкий бессмысленный стон. Даже сквозь фильтр надежды Майлз не смог воспринять это как попытку общения. Одни только животные рефлексy.

– Всего доброго, – прошептал он и ушел, на мгновение остановившись в коридоре, чтобы справиться с дрожью.

- Зачем ты это себе устраиваешь? – резко спросила Куин.

– Во-первых, он фактически умер за меня, – он попытался говорить непринужденно, – а во-вторых, разве ты не чувствуешь определенную навязчивую потребность смотреть в лицо тому, чего ты боишься сильнее всего?

- А ты сильнее всего боишься смерти? – с любопытством спросила она.

– Нет. Не смерти. – Он потер лоб, медля с ответом. – Потери разума. Всю жизнь мой план заключался в том, чтобы заставить принимать вот это, – он провел рукой по всей длине своего тела, – потому, что я – сообразительный маленький подонок и могу перехитрить любого противника и доказать это сколько угодно раз. Без мозгов... – «Без мозгов я ничто». Он выпрямился, справляясь с болезненным напряжением, пожал плечами и кривовато улыбнулся. – Пошли, Куин.

После Азиза общаться с Дурэмом и Вайфиан было легко. Они могли ходить и говорить – пусть запинаясь, а Вайфиан даже узнала Куин. Они привезли их в космопорт на арендованной машине, и Куин несколько смягчила свой обычный агрессивный стиль вождения. Там Майлз посадил Дурэма рядом с товарищем-пилотом, и к концу перелета Дурэм вспомнил не только имя этого человека, но и некоторые приемы пилотирования. Майлз передал обоих выздоравливающих медтехнику, встретившему их в коридоре стыковочного узла, и тот увел их в лазарет, чтобы они могли лечь после путешествия. Майлз проводил их взглядом и почувствовал себя немного лучше.

- Недешево, – заметила Куин.

– Да, – вздохнул Майлз. – Затраты на реабилитацию – значительная доля медбюджета. Возможно, мне придется приказать бухгалтерии разделить их, чтобы медицина не оказалась в загоне. Но что ты хочешь? Мои люди проявляют безмерную верность – я не могу их предавать. Кроме того, – он мимолетно ухмыльнулся, – платит-то Барраярская империя.

– Мне показалось, что на брифинге твой шеф из Службы безопасности был недоволен твоими счетами.

– Иллиану приходится объяснять, почему каждый год из его бюджета исчезает сумма, на которую можно экипировать небольшую армию. Некоторые имперские ревизоры склонны обвинять его в неэффективной организации работы.

Дендарийский пилот, отключив системы катера, вышел в коридор, закрыв за собой люк. Он кивнул Майлзу.

– Пока я ждал вас в порте Бошен, сэр, я услышал в местных новостях короткое сообщение, которое может вас заинтересовать. Здесь, на Эскобаре, это только короткое маловажное сообщение.

– Ну, сержант Лажуи, – вопросительно приподнял бровь Майлз.

– Цетагандийцы только что объявили, что уходят с Мэрилака. Они называют это... как там... «В связи с огромным прогрессом в культурных связях мы передаем внутренние вопросы местной полиции».

Майлз торжествующе сжал кулаки.

– Другими словами, они бросили свое марионеточное правительство! Ха! – Он несколько раз подпрыгнул на одной ножке и хлопнул Куин по плечу. – Слышала, Элли! Мы победили! Я хочу сказать – они победили, мэриланцы!

«Наши жертвы оправданны...»

Он сглотнул комок в горле, чтобы не разрыдаться или не устроить еще какой-нибудь дури.

– Сделайте одолжение, Лажуи. Передайте это по флоту. Скажите им: «Вы, ребята, хорошо поработали». А?

– Есть, сэр. С удовольствием.

Сияющий пилот отдал честь и поспешил исполнить приказ.

Майлз торжественно улыбнулся.

– Видишь, Элли! То, что только что приобрел Саймон Иллиан, все равно обошлось бы дешево, заплати он хоть в тысячу раз больше. Полномасштабное цетагандийское вторжение сначала замедлено, потом приостановлено, потом дезорганизовано – и, наконец, разбито! – И яростно прошептал: – И это сделал я!

Куин тоже улыбалась, но несколько иронично.

– Это прекрасно, но, если я правильно поняла подтекст, барраярская Служба безопасности хотела, чтобы цетагандийская военщина втянулась в партизанскую войну на Мэрилаке. На неопределенно долгое время. Отвлекая цетагандийцев от барраярских границ и п-в-туннелей.

– Они это нигде не записали, – ощерился Майлз. – Саймон сказал только: «По мере возможности помогай мэриланцам». Именно так и был сформулирован его приказ.

– Но тебе же прекрасно известно, чего он хотел!

– Четыре кровавых года – больше чем достаточно. Я не предал Барраяр. И никого не предал.

– Ага? А если Саймон Иллиан настолько хитроумнее тебя, то каким образом прошел все-таки твой вариант? Майлз, когда-нибудь у тебя закончатся все отговорки – и что ты тогда будешь делать?

Он улыбнулся и покачал головой, отказываясь отвечать.

Майлз как на крыльях летел к своей каюте на «Триумфе». Оглянувшись, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, он обнял и поцеловал Куин – крепким поцелуем, которого им должно было хватить надолго, – и она ушла к себе. Он вошел в каюту, и за ним со вздохом сомкнулись двери, эхом повторив его собственный вздох. Снова дома.

Это действительно дом – для половины его «я», подумал Майлз, швыряя сумку на кровать и направляясь в душ. Десять лет назад лорд Майлз Форкосиган в момент крайней необходимости изобрел для прикрытия адмирала Нейсмита и отчаянно блефовал, прибирая к рукам поспешно переименованных дендарийских наемников. Барраярская Служба безопасно-

сти обнаружила, что это прикрытие бесполезно... Нет. Надо отдать должное тем, кто этого заслуживает: это он сам убеждал, интриговал, и заставлял Безопасность найти этому прикрытие применение.

«Осторожнее выбирай, кем притворяться. А то можешь им стать».

Когда адмирал Нейсмит перестал быть только прикрытием? Конечно, это происходило постепенно, но главным образом после ухода в отставку его наставника – коммодора Танга. Или, возможно, хитроумный Танг первым понял, что больше нет необходимости поддерживать «адмирала Нейсмита». Пока Майлз принимал душ, у него перед глазами роились разноцветные диаграммы организации Свободного флота дендарийских наемников. Персонал – оборудование – управление – снабжение... Он знал каждый корабль, каждого бойца, каждый катер, каждую единицу вооружения. Он знал, как это все сочетается между собой, что надо делать в первую, вторую, третью, двадцать пятую очередь... Как поместить четко выверенную силу на наиболее решающую тактическую позицию. Вот что такое опыт: он может посмотреть на корабль вроде «Триумфа» и мысленным взором увидеть сквозь стены все технические детали, все сильные и слабые места... Посмотреть на отряд командос или на стол, вокруг которого на брифинге сидят капитаны и капитаны-владельцы, и знать, что сделает или скажет каждый, прежде чем они сами будут это знать.

«Я на пике. Наконец-то. Я на самой вершине. С помощью этого рычага я могу двигать целые миры».

Он переключил душ на режим сушки, ощутив волну теплого воздуха. Он вышел из душа, все еще посмеиваясь.

«Это как раз по мне».

Его смех изумленно замер, когда он открыл дверцу шкафа с мундирами и обнаружил, что шкаф пуст. Неужели денщик забрал все в чистку и починку? Со всевозрастающим изумлением он проверил другие ящики и обнаружил только остатки совершенно гражданских костюмов, которые надевал, когда требовалось растянуть цепочку ложных персон и выступить в роли дендарийского шпиона. Плюс самое поношенное нижнее белье. Это что – розыгрыш? Если так, то он посмеется последним. Голый и рассерженный, он рывком открыл шкафчик, в котором жила его космическая броня. Пуст. Это его потрясло. «Кто-то, должно быть, унес ее в технический отдел для калибровки или тактического программирования, или еще за чем-нибудь». Но денщик должен был бы уже ее вернуть. А что, если она срочно понадобится?

Пора. Люди уже собираются. Куин как-то утверждала, что он мог бы появиться на людях нагишом – и только заставил бы окружающих чувствовать себя неловко из-за того, что они одеты. На мгновение ему захотелось проверить это утверждение, но по зрелом размышлении он все же надел рубаху, брюки и сандалии, в которых прилетел. Ему не нужен мундир, чтобы вести брифинг, – уже не нужен.

По дороге на собрание он догнал в коридоре Сэнди Герелд, возвращавшуюся с дежурства, и дружески ей кивнул. Она повернулась и изумленно попятилась.

– Вы вернулись, сэр! Вот это быстро!

Он не стал бы характеризовать длившуюся несколько недель поездку в имперскую штаб-квартиру на Барраяре как быструю. Наверное, она имеет в виду его полет на планету.

– Это заняло всего пару часов.

– Что? – Она наморщила носик. Она продолжала пятиться, пока не уперлась в конец коридора.

Его ждал конференц-зал, полный старших офицеров, собравшихся на брифинг. Помахав рукой, он нырнул в лифтовую шахту.

Сидевшие вокруг темного полированного стола были успокаивающе знакомы. Капитан «Триумфа» Озен. Элен Ботари-Джезек, недавно получившая повышение, став капитаном «Перегрина». Ее муж, коммодор Баз Джезек. Главный инженер флота, он в отсутствие Май-

лза отвечал за весь ремонт и переоборудование дендарийского флота на орбите Эскобара. Эта чета, оба барраяры, вместе с Куин были среди тех немногих, кто знал о двойной жизни Майлза. Капитан «Партизана» Трузилло и еще дюжина других, проверенных и верных. Его люди.

Бел Торн с «Ариэля» опаздывал. Странно. Одной из главных черт Торна было неутолимое любопытство: для бетанского гермафродита брифинг перед новой операцией был все равно что подарок к Зимнепразднику. Майлз повернулся к Элен Ботари-Джезек, чтобы поболтать, пока они будут дожидаться.

– Тебе удалось навестить мать на Эскобаре?

– Да, спасибо. – Она улыбнулась. – Было... приятно немного побыть вместе. Мы поговорили о таких вещах, о которых не могли говорить при первой встрече.

Майлз решил, что это было полезно им обоим. Казалось, взгляд Элен стал немного менее напряженным. Постепенно все будет лучше и лучше.

– Хорошо.

Он повернулся к вновь раздвинувшимся дверям – но это была только Куин, беззаботно вошедшая с пачкой секретных дел. Она снова оделась в повседневный офицерский мундир и выглядела непринужденно, но по-деловому. Элли вручила дела Майлзу, он загрузил их в комм-устройство и подождал еще минуту. Бел Торн по-прежнему не появлялся.

Разговоры затихли. Офицеры внимательно смотрели на него, призывая начать серьезный разговор. Нечего стоять и грызть ногти. Прежде чем включить дисплей, он осведомился:

– Для опоздания капитана Торна есть причина?

Они посмотрели на него, потом переглянулись.

«Не может быть, чтобы с Белом что-то случилось, мне доложили бы сразу же».

Но все-таки сердце у него замерло.

– Где Бел Торн?

Взглядами все поручили говорить Элен Ботари-Джезек. Дурной знак.

– Майлз, – нерешительно проговорила она, – Бел должен был вернуться раньше тебя?

– Вернуться? Бел улетел?

Она смотрела на него так, словно он сошел с ума.

– Бел улетел с тобой на «Ариэле», три дня тому назад.

Куин резко подняла голову:

– Это невозможно.

– Три дня назад мы только подлетали к Эскобару, – объяснил Майлз. Холод в его груди превращался почти в абсолютный. Он уже не чувствовал, что владеет собравшимися. Наоборот, их лица вдруг стали расплываться.

– Ты забрал с собой Зеленый отряд. На новую операцию, сказал Бел, – добавила Элен.

– Вот новая операция. – Майлз постучал по дисплею. Жуткое объяснение случившемуся начало возникать у него в уме, поднимаясь из ледяной черной дыры, образовавшейся в груди. Выражения лиц собравшихся тоже начали разделяться: меньшинство, знавшее о заварухе на Земле два года тому назад, пришло в ужас – да, они думают то же, что и он, – а остальные пришли в полное недоумение...

– И куда я направился? – осведомился Майлз. Ему показалось, что он говорит мягко, но некоторые явно содрогнулись.

– На Архипелаг Джексона.

Элен посмотрела ему прямо в глаза с таким же выражением, какое бывает у биолога, готовящегося препарировать неизвестное существо. Неожиданное недоверие...

«Архипелаг Джексона. Ну, это все».

– Бел Торн? «Ариэль»? Таура? На Архипелаге Джексона? – Майлз задохнулся. – Боже милостивый...

– Но если вы – это вы, – сказал Трузилло, – то кто был тут три дня назад?

– Если ты – это ты, – мрачно подчеркнула Элен. Те, кто был в курсе, смотрели на него так же мрачно.

– Видите ли, – объяснил Майлз той части собравшихся, которые недоумевали, – у некоторых бывают злобные близнецы. Мне повезло меньше. У меня – близнец-идиот.

– Твой клон, – сказала Элен.

– Мой брат, – механически поправил он.

– Маленький Марк Пьер, – сказала Куин. – Ах, дерьмо...

Глава 3

Тошнота подступила к горлу, стены покачнулись, в глазах потемнело. Странные ощущения п-в-перехода исчезли – как и появились – внезапно, но осталось долгое внутреннее эхо, словно после удара в гонг. Он глубоко вздохнул. Четвертый переход за время полета. «Ариэль» уже три дня в пути. До Архипелага Джексона еще пять – почти полпути.

Клон оглядел каюту Нейсмита. Дольше скрываться невозможно, ни под предлогом болезни, ни под предлогом нейсмитовской черной депрессии. Он должен во всех подробностях обсудить с Торном предстоящую операцию – налет дендарийских наемников на ясли клонов. Ну что ж, нельзя сказать, что эти три дня прошли впустую, по крайней мере он успел изучить вахтенные журналы «Ариэля» за последние два года – с момента своей первой встречи с дендарийцами.

Увы, как раз об этой самой встрече – встрече адмирала Нейсмита со своим клоном на старой Земле – в журнале почти ничего не говорилось. Зато во множестве попадались записи о реабилитации раненых, о переоборудовании, о сварках с поставщиками и о брифингах инженеров. И только один приказ, имевший отношение к его, клона, похождениям: после сообщения о том, что на Земле видели клона адмирала Нейсмита, следовало предупреждение, что клон может попытаться выдать себя за адмирала. Давалась ошибочная информация, что при сканировании в ногах клона видны нормальные кости. При задержании клона было приказано пользоваться только парализаторами. И все. Никаких объяснений, никаких поправок, никаких дополнительных сведений. Все доклады Нейсмита-Форкосигана высшему командованию были преимущественно устными и документально не фиксировались – все хранилось в тайне от дендарийцев. Ну что ж, а вот это как раз на пользу.

Откинувшись в кресле, он угрюмо смотрел на экран комм. В дендарийских данных его называли Марком.

«Это еще одна вещь, которую на Барраяре не выбирают, – сказал ему Майлз Нейсмит Форкосиган, – Марк Пьер. Ты – лорд Марк Пьер Форкосиган. На Барраяре титул дается с рождения».

Но он не на Барраяре и сделает все, от него зависящее, чтобы никогда там не оказаться.

«Ты мне не брат, и Мясник Комарры мне не отец, – в тысячный раз мысленно возразил он. – У меня нет матери. Я – из репликатора».

Но с тех пор сомнения уже не оставляли его, и он не мог больше радоваться очередному удачному псевдониму. Внушительные имена, простые имена, причудливые имена, странные, обычные, глупые... Дольше всего он прожил под именем Яна Фандермарка – первое, неуверенное приближение к осознанию себя как личности.

«Тебя зовут Марк! – кричал Майлз, когда его волокли – он тогда не сомневался – на смерть. – Марк! Слышишь?»

«Я не Марк и не брат тебе, слышишь, ты, псих!»

Он сопротивлялся горячо, отчаянно, изо всех сил, но когда эхо протеста стихло, он вдруг осознал, что он – никто. Вообще никто.

Дико разболелась голова: боль вползла по позвоночнику, через шею и растеклась под кожей.

«Не брат тебе». Но если быть абсолютно честным, Нейсмита никак нельзя обвинить в том, что он сознательно навязал своему клону жизнь. Да, разумеется, они генетически идентичны. А может, просто все дело в... в намерении? И в том, кто платит деньги?

Во время последних судорог комаррского сопротивления, когда из какой-то клиники на Барраяре был похищен образец ткани, лорду Майлзу Нейсмиту Форкосигану едва исполнилось шесть лет. Майлз как таковой ни на Барраяре, ни на Комарре ни для кого не представлял инте-

реса. В центре внимания находился его отец. Адмирал граф Эйрел Форкосиган, регент Барраяра, Покоритель (или Мясник) Комарры. Эйрел Форкосиган приложил все усилия, чтобы завоевать Комарру для Барраярской империи. И сделался объектом ненависти и мести Комаррского Сопrotивления. Со временем надежда на успех Сопrotивления угасла. Надежда отомстить, напротив, росла, питаясь горечью изгнания. Лишившись армии, оружия и какой бы то ни было поддержки, единственная группа комаррцев строила планы медленной безумной мести. Ударить по отцу через сына, которого он, как известно, обожает...

Комаррцы, как чернокнижник из легенды, заключили сделку с дьяволом и создали гомункулуса. Незаконнорожденный клон, подумал он с горькой усмешкой. Но потом все пошло не так. Майлз – калека, отравленный еще до рождения очередным смертельным врагом своего отца, развивался совершенно непредсказуемо, чего нельзя было сказать о его генетической копии... Это и стало первым ключом к разгадке, подумал он. Когда другие клоны ходили к врачам лечиться, они возвращались еще более крепкими и здоровыми и росли быстрее. Когда к врачам ходил он – а такое случалось очень часто, – после мучительных процедур он заболел и словно прекращал расти. Скобы, которые ему накладывали на кости, на шею, на спину, превратили его в горбатого карлика – точное подобие Майлза.

«Я мог бы вырасти нормальным, не будь Майлз Форкосиган калекой».

Когда он понял, какова истинная цель создания остальных клонов – а среди детей, несмотря на все старания воспитателей, ходили самые разные слухи, – он даже втайне обрадовался своему физическому уродству. Едва ли они надумают использовать такое тело для пересадки мозга. Может, его сочтут непригодным, может, он еще избавится от любезных, улыбающихся слуг-тюремщиков...

Реальное избавление – в четырнадцать лет, когда за ним прибыли комаррские владельцы, – походило на чудо. А потом началась подготовка. Бесконечная суровая муштра, зубрежка, промывание мозгов. Сначала судьба – любая судьба – казалась счастьем по сравнению с тем, что ожидало его друзей-клонов. Он упорно готовился подменить Майлза и отомстить злым барраярцам за родную Комарру (которую, надо сказать, он никогда не видел). Но обучаясь на Майлза Форкосигана, он оказался в той же ситуации, что и знаменитый заяц из парадокса Зенона, который никогда не сможет догнать черепаху. Сколько бы он ни узнавал, как бы отчаянно ни зубрил, как сурово ни наказывали его за ошибки, Майлз учился быстрее и всегда знал больше. Как только клон достигал очередной точки, его близнец вновь оказывался впереди – не важно, в интеллектуальном или в каком-либо ином плане. Это были настоящие гонки.

А потом, когда комаррцы решили осуществить подмену, начались гонки в самом прямом смысле слова. Они гонялись за неуловимым Майлзом Форкосиганом по всей Галактике, даже не подозревая, что когда исчезает лорд Майлз Форкосиган, появляется адмирал Нейсмит. Комаррцы так ничего и не узнали. И лишь случай в конце концов свел два года назад на Земле Майлза и его двойника.

Но комаррцы просчитались. Они не предусмотрели главного: когда вся эта безумная гонка только начиналась, клон – после психологической обработки – был всецело предан «старым революционерам» и готов на все. Разве не они спасли его от обычной судьбы клона? Восемнадцать месяцев он путешествовал, восемнадцать месяцев наблюдал, восемнадцать месяцев слушал сводки новостей без всякой цензуры. Ему даже удалось познакомиться с новыми людьми! И тогда в глубине души зародилось сомнение. И немудрено – ведь нельзя же, получив такое образование, как у Майлза Форкосигана, не научиться думать. А тут еще операция по замене его совершенно нормальных костей ног на синтетические только потому, что Форкосигану разможило ноги. Поразительно болезненная операция. А что, если в следующий раз Форкосиган сломает себе шею? Постепенно он начал осознавать, что происходит.

Когда ему по кусочкам забивали голову лордом Форкосиганом, это тоже была пересадка мозга, пусть и без виброскальпелей. «Кто строит планы мести, должен готовить две могилы». Но комаррцы-то копали вторую могилу ему! Человеку, которым ему так и не позволили стать, человеку, которым он мог бы стать, если бы его электрошоками не заставляли становиться кем-то другим.

Иногда он уже не знал, кого больше ненавидит: дом Бхарапутра, комаррцев или Майлза Нейсмита Форкосигана.

Фыркнув, он отключил комм и встал, чтобы вынуть из кармана мундира драгоценный куб данных. Подумав немного, он еще раз умылся и побрился, прежде чем надеть свежий мундир дендарийского офицера. Пусть дендарийцы видят только отглаженную оболочку, а не человека под ней...

Он приготовился, вышел из каюты, пересек коридор и нажал сигнал у двери капитана-гермафродита.

Никакой реакции. Он позвонил еще раз. Наконец послышался голос Торна:

– Да?

– Это Нейсмит.

– А, Майлз! Входи.

Дверь скользнула в сторону, и он вошел, только тут поняв, что причиной промедления было то, что он разбудил Торна. Тот приподнялся на локте в постели: каштановые волосы растрепаны, рука только отодвигается от ключевой пластины, открывшей дверь.

– Извините, – сказал он, попятившись, но дверь уже закрылась.

– Ничего-ничего, все в порядке, – гермафродит сонно улыбнулся и, потянувшись, гостеприимно похлопал по кровати прямо перед своим укрытым одеялом... животом. – Для вас – в любое время. Садитесь. Хотите, разомну вам спину? Вы какой-то весь зажатый.

На Торне была явно женская ночная рубашка, вся в кружевах и оборках, с глубоким вырезом, в котором виднелась грудь.

Опасливо покосившись на Торна, клон прошел к креслу. Во взгляде Торна мелькнула насмешка. «Нейсмит» откашлялся.

«Мне следовало бы проверить расписание дежурств. Адмирал Нейсмит, наверное, знает расписание дня своих капитанов».

– Пора, давно пора. Я рад, что вы наконец вернулись к реальности. Что вы, к дьяволу, делали там, где провели последние восемь недель, Майлз? Кто умер?

– Никто. Ну, надо полагать, восемь клонов.

– Гм... – Торн задумчиво кивнул, встряхнулся – вся его обольстительность разом исчезла – и протер глаза, словно стирая остатки сна. – Чаю?

– Естественно. Или... э-э... может, мне лучше прийти, когда вы выпитесь?

«Или когда вы оденетесь».

Капитан – весь в кружевах и оборочках – вылез из-под одеяла.

– Ну уж нет. Мне все равно через час вставать. Я давно этого жду.

Прошлепав по каюте, он приступил к ритуалу заваривания чая.

Поставив куб данных на пульт комм, клон стал ждать из вежливости и практических соображений, пока капитан первым отхлебнет горячую черную жидкость и окончательно проснется. Ну что стоило надеть мундир!

Когда Торн подошел ближе, он включил дисплей.

– У меня есть подробная голокарта главного медкомплекса дома Бхарапутра. Этим данным не больше четырех месяцев. Плюс расписание смены часовых и маршруты обходов – охрана там получше, чем в обычных больницах, скорее как в военных лабораториях, но все-таки это не крепость. Они заботятся только о том, чтобы не допустить местных с целью воровства. И конечно, чтобы никто из пациентов не сбежал.

И эти данные стоили ему почти всего состояния.

Цветокодированное изображение развернулось световыми линиями и плоскостями над видеопластиной. Комплекс был огромным скоплением строений, туннелей, лечебных садов лабораторий, мини-производственных участков, посадочных площадок, гаражей... Там было даже две площадки для катеров, чтобы выходить прямо на орбиту.

Торн поставил чашку, склонился над комм-пультом и с интересом всмотрелся в изображение. Взяв дистанционное управление, он покрутил карту, уменьшил ее, разбил на части.

– Значит, в первую очередь мы захватим площадки для катеров?

– Нет. Всех клонов держат здесь, в западной части комплекса: это нечто вроде хосписа. Я прикинул, если мы приземлимся вот тут, на спортплощадке, то окажемся у самых дортуаров. Естественно, меня мало волнует, что повредит катер при посадке.

– Естественно, – по лицу капитана скользнула усмешка. – Время?

– Я хочу провести операцию ночью. Не столько ради прикрытия – боевой катер нам все равно не спрятать, но потому, что только ночью все клоны находятся в доме. Днем они играют, занимаются спортом, плавают, ну и так далее.

– И учатся?

– Нет, не совсем. Они не учат их ничему сверх того, что нужно для примитивного общения. Если клон способен сосчитать до двенадцати и прочесть надпись, этого достаточно. Мозги на выброс. – Поэтому он тоже догадался, что не такой, как все. Настоящий человек-учитель познакомил его со множеством компьютерных обучающих программ. В отличие от его следующих учителей – комаррцев, программы готовы были повторять все бесконечно и никогда его не наказывали, никогда не сыпали проклятиями и не кричали, не били его и не заставляли напрягаться, пока его не рвало или он терял сознание... – Но несмотря на это, клоны подбирают удивительно много информации. Массу сведений – из игр с виртуальной реальностью. Умненькие ребята. Мало у кого из этих клонов были тупые родители, иначе они не накопили бы столько денег, чтобы купить себе такое продление жизни. Может, они безжалостные, но не тупые.

Торн сощурился, расчленив карту на дисплее, разбирая здания слой за слоем, изучая планы...

– Итак, дюжина вооруженных до зубов дендарийцев в полночь выхватывает из сладкого сна пятьдесят—шестьдесят ребятшек... они знают, что мы появимся?

– Нет. Кстати, скажите участникам операции, что с виду они совсем не похожи на детей. Мы берем их с последнего года развития. Им всем по десять-одиннадцать лет, но из-за ускоренного развития они выглядят совсем как взрослые.

– Неуклюжие?

– Нет. Они получают великолепную физическую подготовку. Здоровые как черти. В этом причина, почему их просто не держат в автоклаве до самой трансплантации.

– Они... знают? Знают, что с ними произойдет? – нахмурившись, спросил Торн.

– Им не говорят, нет. Их кормят всевозможными баснями. Говорят, что они в специальной школе из соображений безопасности, что им что-то угрожает. Что все они – принцы или принцессы, или богатые наследники, или дети военных, и в один прекрасный день, очень скоро их родители, тетки или опекуны приедут за ними и увезут к блестящему будущему... а потом в конце концов кто-то приходит и, улыбаясь, подзывает к себе и говорит, что этот прекрасный день настал, и они бегут... – Он сглотнул. – ...И собирают вещи, и хвастаются...

Торн – весь бледный – машинально постукивал дистанционным пультом по ладони.

– Понимаю...

– И уходят, счастливые, рука об руку со своими убийцами...

– Довольно, Майлз! Вы так живо все это рассказываете, что еще минута – и я расстанусь со вчерашним обедом.

– Ну почему же? Мне казалось, вы уже давно все это знаете, – съязвил клон. – С чего это вам вдруг стало тошно?

Он заставил себя скрыть горечь. Нейсмит. Он должен быть Нейсмитом.

Торн сверкнул глазами:

– В прошлый раз именно я готов был зажарить их с орбиты. А вы мне не позволили. Или вы забыли?

«Что еще за „прошлый раз“?» Явно не в последние три года. Проклятие, опять придется копаться в вахтенном журнале!

Он пожал плечами.

– Так, – сказал Торн. – А эти... как их... большие детишки... не решат, что мы – враги их родителей, которые вознамерились похитить их перед самым возвращением домой? Помоему, тут мы столкнемся с некоторыми трудностями.

– Может быть, и нет. У детей... есть своя собственная культура. Передается из года в год. Ходят слухи. Страшные рассказы. Сомнения. Говорю вам – они не глупые. Их взрослые надсмотрщики стараются искоренить эти истории, высмеивают их, перемешивают с другими, явно лживыми.

И все же... его они не обманули. Но ведь он прожил в яслях гораздо дольше, чем остальные. У него было время увидеть, как клоны приходят и исчезают, видеть, как повторяются истории, дублируются псевдобιοграфии... было время заметить, как крошечные ошибки и оговорки надсмотрщиков складываются в целое.

– Если так... – Он чуть было не сказал: «Если все так, как было при мне...», но успел остановиться. – Я смогу их убедить. Предоставьте это мне.

– С превеликим удовольствием. – Торн поставил стул вплотную к его креслу, уселся и быстро ввел кое-какие заметки о подготовке операции и плане атаки, о том, кто пойдет в атаку, а кто будет обеспечивать поддержку, наметил пути по зданиям. – Два дортуара? – с любопытством спросил он, указывая пальцем. Ногти у Торна были коротко подстрижены и не накрашены.

– Да. Мальчиков держат отдельно от девочек, довольно строго. Клиенты женщины (обычно женщины) желают получить девственное тело.

– Ясно. Так. Нам каким-то чудом удастся загрузить всех этих ребятишек раньше, чем бхарапутряне успеют собрать силы для ответного удара...

– Да. Скорость имеет огромное значение.

– Как обычно. Но бхарапутряне на нас обрушатся при малейшей задержке. В отличие от мэриаканцев на Дагуле, у вас нет нескольких недель, чтобы обучить этих ребятишек правилам посадки в катер. Так что, если...

– Как только клоны окажутся на катере, они фактически станут нашими заложниками. С ними на борту мы можем не бояться огня на поражение. Бхарапутра не станет рисковать своими инвестициями, пока у них будет надежда вернуть хоть что-то.

– Как только они решат, что надежды больше нет, они начнут активно мстить – чтобы другим неповадно было.

– Верно. Нам надо сделать так, чтобы у них оставались сомнения.

– Ну что же, если нам удастся поднять катер, они сделают все, чтобы отрезать нам пути к отступлению, то есть попытаются взорвать «Ариэль» на орбите, прежде чем мы до него доберемся.

– Скорость, – упрямо повторил он.

– Запасные варианты, милый мой Майлз. – Проснитесь. Обычно мне не приходилось по утрам прочищать вам мозги. Может, еще чаю? Нет? Я предлагаю, в случае задержки на поверхности, «Ариэлю» укрыться на Станции Фелл, а мы встретимся там.

– На Станции Фелл? Орбитальной? – Он недоумевал. – Почему?

– Ну, барон Фелл вроде бы продолжает вендетту против Бхарапутры и Риовалы, так ведь? Внутренняя политика джексоновских домов – он знает о ней меньше, чем следовало бы. Ему даже не пришло в голову искать себе союзников среди других домов. Они все преступные, насквозь порочные и терпят друг друга или мешают друг другу в зависимости от того, что в данный момент выгоднее в борьбе за власть. И снова это упоминание о Риовале... Почему? Он отделался еще одним безмолвным движением плеч.

– Сидеть на Станции Фелл с пятьюдесятью клонами и ждать, пока Бхарапутра возьмет под контроль станции у переходов? Ничего себе выход! Никому из джексоновцев нельзя доверять. Все равно самая безопасная стратегия – убраться восвояси и как можно скорее совершить прыжок.

– Бхарапутра не сможет распоряжаться Переходной станцией пять – она принадлежит Феллу.

– Да, но я хочу вернуться на Эскобар. Там клоны смогут найти безопасное убежище.

– Послушайте, Майлз, переход туда принадлежит консорциуму, который контролирует Бхарапутра. Нам никогда не вернуться тем же путем, которым прилетели, если вы не приготовили еще какой-нибудь сюрприз... Нет? Тогда позвольте заметить, что лучшим способом отступления будет Переходная станция пять.

– Вы действительно видите в Фелле такого надежного союзника? – осторожно осведомился он.

– Ничуть. Но он – враг наших врагов. На этот раз.

– Но переход от Пятой ведет к Ступице Хеджена. Мы не можем переходить на цетагандийскую территорию, а второй возможный переход от Ступицы – к Комарре через Пол.

– Круглой путь, но гораздо более надежный.

«Не для меня! Это же Барраярская империя!»

– Ступица – Пол – Комарра – Зергияр и снова Эскобар, – с удовольствием перечислил Торн. – Знаете, это действительно может получиться.

Он сделал еще кое-какие пометки. Ночная рубашка струилась и переливалась в разноцветных огоньках дисплея. Потом он поставил локти на пульт и уперся подбородком в ладони. Грудь колыхалась под тонкой тканью. Лицо его стало мягко-задумчивым. Торн взглянул на него со странной, немного печальной улыбкой.

– Клонам когда-нибудь удавалось бежать? – тихо спросил Торн.

– Нет, – ответил он, быстро и автоматически.

– Конечно, если не считать вашего собственного клона.

Опасный поворот.

– Мой клон тоже не бежал. Его просто забрали заказчики.

Ему следовало бы пытаться бежать. Какую бы жизнь он вел, если бы ему это удалось?

– Пятьдесят ребятишек, – вздохнул Торн. – Знаешь... я действительно одобряю эту операцию.

Он подождал, пристально глядя на него блестящими глазами.

Чувствуя себя ужасно неловко, «Нейсмит» справился с глупым желанием сказать «спасибо», но не нашел никаких других слов. Возникла неловкая пауза.

– Наверное, – проговорил Торн после слишком затянувшегося молчания, – для кого-то, выросшего в таких условиях, должно быть, очень трудно доверять... людям. Чьему-то слову. Их благодарности.

– На... наверное.

Это просто пустой разговор или что-то гораздо более серьезное? Ловушка?

Торн, все с той же странной улыбкой, перегнулся через подлокотник его кресла, поймал его подбородок сильной изящной рукой и поцеловал его.

Он не знал – отшатнуться или ответить, поэтому не сделал ни того, ни другого, а только сидел, окосев от страха. Губы Торна были теплыми, пахли чаем и бергамотом. Неужели Нейсмит трахает... и это тоже? Если да, то как? Или по очереди?

«И будет ли это так уж плохо? – На фоне ужаса он ощутил и явное возбуждение. – Наверное, я готов был бы умереть за любящее прикосновение».

Он всегда был один.

Торн наконец отодвинулся, к его глубочайшему облегчению, но только немного, по-прежнему не выпуская его подбородок. Еще секунда полного молчания, и гермафродит грустно улыбнулся.

– Наверное, мне не следует вас дразнить, – вздохнул он. – Если уж говорить честно, то в этом есть некая жестокость.

Он отпустил его и встал. Вся чувственная томность куда-то вдруг исчезла.

– Сейчас вернусь.

Капитан прошагал в ванную и закрыл за собой дверь.

«Нейсмит» сидел в полной растерянности. Его трясло.

«О чем он говорил?» А откуда-то из другого уголка сознания: «Спорим, ты мог бы в этом полете расстаться с девственностью». И еще из одного: «Нет! Только не с этим!»

Это была проверка? Но прошел он ее или провалился? Торн не бросил ему обвинений, не вызвал вооруженную охрану. Может, капитан как раз сейчас планирует его арест, включив в ванной наручный комм. Бежать некуда: маленький корабль находится в глубинах космоса. Он обхватил себя за плечи. Потом с усилием заставил себя разжать руки и положил их на комм-пульт, расслабившись.

«Скорее всего они меня не убьют».

Они просто вернут его к остальному флоту и предоставят Нейсмиту его убить.

Но в дверь не ворвался отряд охранников, а вскоре вернулся Торн. Щеголевато одетый в мундир – наконец-то! Он вынул куб данных из комм-устройства и сжал его в руке.

– Мы с сержантом Таурой серьезно займемся планированием.

– А, да. Пора.

Ему тяжело было выпускать этот драгоценный куб из рук. Но, похоже, в глазах Торна он все еще оставался Нейсмитом.

Торн поджал губы:

– Теперь, когда настало время брифинга отряда, вы не считаете разумным перекрыть связь «Ариэля» с флотом?

Прекрасная мысль, хотя сам он не решился бы ее высказать, считая слишком подозрительной и странной. Может быть, для этих тайных операций она и не столь уж странная? У него не было точных сведений, когда настоящий Нейсмит должен вернуться к дендарийскому флоту, но, судя по тому, как спокойно его встретили наемники, адмирал ожидался вскоре. Последние три дня он жил в страхе, что вот-вот по направленному лучу придет приказ от настоящего адмирала и «Ариэль» повернет обратно.

«Еще несколько дней. Всего несколько дней, и я все оправдаю».

– Да. Так и сделайте.

– Слушаюсь, сэр. – Торн помедлил. – Как вы себя сейчас чувствуете? Все знают, что ваши провалы в черное отчаяние могут длиться неделями. Но если только вы как следует отдохнете, я уверен, что на планетной операции вы будете в форме. Мне передать, чтобы вас не дергали?

– Я... я бы это очень оценил, Бел. – «Вот это удача!» – Но держите меня в курсе, ладно?

– О, да. Можете на меня рассчитывать. Это обычный налет – если не считать того, что придется пасти стадо ребятишек, – но тут я положусь на ваш немалый опыт.

– Правильно.

Улыбнувшись и жизнерадостно отсалютовав, он сбежал по пустынному коридору в тихую гавань своей каюты. Все тело словно пульсировало от торжества и нервной головной боли, так что казалось, будто он парит в воздухе. Когда за ним задвинулась дверь, он упал на кровать и вцепился в покрывало.

«Это действительно произойдет!»

Позже, прилежно просматривая на комме вахтенные журналы, он наконец нашел упоминание о предыдущем визите «Ариэля» на Архипелаг Джексона четыре года назад. Достаточно непонятные упоминания. Они начались с потрясающе скучных подробностей, касающихся договора о вооружениях, которые следовало погрузить с орбитальной пересадочной станции дома Фелл. Вдруг взволнованный голос Торна произнес: «Марко потерял адмирала. Его захватил в плен барон Риоваль. Я собираюсь заключить с Феллом отвратительное соглашение».

Потом шли записи экстренного полета боевого катера на планету, а потом «Ариэль» внезапно улетел со Станции Фелл, получив только половину груза. За этими событиями последовали удивительно интересные, но совершенно непонятные разговоры адмирала Нейсмита с баронами Риовалем и Феллом соответственно. Риоваль был вне себя и так и сыпал самыми экзотическими угрозами. Лжеадмирал встревоженно изучал искаженное яростью благообразное лицо барона. Даже в обществе, где безжалостность высоко ценится, Риоваль считался человеком, которого другие джексоновианские воротилы старались не задевать. Похоже, адмирал Нейсмит на что-то нарвался.

Гнев Фелла был более сдержанным и холодным. Как всегда, вся действительно важная информация, включая причину прилета, содержалась в устных приказах Нейсмита. Но все же ему удалось выяснить удививший его факт: пятиметровая сержант Таура оказалась продуктом генетической лаборатории Бхарапутры, генинженерным прототипом суперсолдата.

Словно неожиданно встретил кого-то из родного города. Его захлестнула странная волна ностальгии, и вдруг ужасно захотелось встретиться с Таурой и удариться в воспоминания. Похоже, Нейсмит похитил ее сердце – или по крайней мере похитил ее саму, хотя, кажется, Риоваль кипел не из-за этого. Все было ужасно запутано.

Но он узнал и еще один неприятный факт. Барон Фелл планировал использовать клона. Его старый враг Риоваль мстительно подстроил убийство клона Фелла прежде, чем произошла пересадка мозга, поймав Фелла в стареющем теле, но намерение было налицо. Несмотря на запасные планы Бела Торна, он принял твердое решение не иметь дела с Феллом, если только удастся этого избежать.

Горестно вздохнув, он отключил комм-пульт и снова принялся практиковаться с командирским шлемом: к счастью, обучающую программу изготовителя так и не стерли из памяти.

«Я все-таки это сделаю».

Глава 4

– «Ариэль» опять не ответил, сэр, – виновато доложила лейтенант Герелд.

Майлз в ярости сжал кулаки и принялся мерять шагами навигационную рубку «Триумфа».

– Третий раз... Третий? Вы отправляли сообщение после каждого скачка?

– Да, сэр.

– Третий раз – никакого ответа! Вот черт, что там с Белом?

На этот риторический вопрос лейтенант Герелд беспомощно пожала плечами.

Майлз с мрачным видом шагал от стены к стене. Проклятое время задержки! Он хотел знать, что там творится сейчас. Направленный луч связи пересекает обычное пространство со скоростью света, но единственный способ передать информацию через п-в-туннель – это записать ее и отправить с каким-нибудь кораблем. Потом, с Переходной станции ее снова транслировали – и так далее. В районах с активной связью корабли-курьеры совершали переходы раз в полчаса, а иногда и чаще. Между Эскобаром и Архипелагом Джексона курьеры ходили строго по графику – каждые четыре часа. Итак, время задержки определялось не только пределом скорости света, но и рядом других факторов. Порой это оказывалось весьма полезным для тех, кто вел сложные финансовые игры в масштабах галактики. Или для тех, кто привык самостоятельно решать проблемы, не посвящая начальство во все подробности. Майлз и сам нередко откалывал подобные номера. Просьба разъяснить приказ, ответ, еще одна просьба о разъяснении... Пока тянулась вся эта переписка, можно было многое успеть сделать. Потому-то Майлз лично составил приказ об отзыве «Ариэля» – решительный и абсолютно однозначный. Но Бел не попытался отделаться фразой типа «Вы о чем, сэр? Я не понял». Бел не ответил вообще.

– А может, это сбой в расписании курьеров, а? Другие корабли... другие корабли на маршруте получают сообщения?

– Да, сэр. Я проверила. Информация проходит нормально по всему маршруту до Архипелага Джексона.

– Они зарегистрировали план полета к Архипелагу Джексона. Они действительно прошли тот самый п-в-туннель?

– Да, сэр.

«Четыре дня назад! Проклятие!»

Он воссоздал в памяти схему следующих переходов. На стандартном маршруте от Эскобара до Архипелага Джексона не было ни одного п-в-туннеля, который вел бы к чему-нибудь интересному. Он не мог представить себе, чтобы Бел ни с того ни с сего надумал поиграть в Бетанскую астроэкспедицию и отправился на разведку. Правда, случалось и такое, что корабль входил в п-в-туннель и больше не выходил оттуда, превратившись в облако кварков. Нет, на маршруте Эскобар – Архипелаг Джексона подобное происшествие не могло бы остаться незамеченным.

Его вынудили принять решение, и одно это уже бесило.

«Проклятие, это не входило в мои планы!»

– Ладно, Сэнди. Созывай совещание штаба. Капитана Куин, капитана Ботари-Джезек, коммодора Джезека. В конференц-зале «Триумфа» – как только все соберутся.

Услышав перечень имен, Герелд удивленно вскинула брови, но послушно потянулась к комм-пульту. Все самые доверенные люди.

– Серьезное дерьмо, сэр?

Он заставил себя улыбнуться.

– Всего лишь серьезно-досадное, лейтенант.

Не совсем. Что опять задумал этот псих? Зачем ему понадобился отряд коммандос? Дюжина вооруженных до зубов дендарийских наемников – это вам не семечки. Но по сравнению с военными ресурсами, скажем, дома Бхарапутра... Достаточная сила, чтобы вляпаться в серьезные неприятности, но недостаточная, чтобы из них выпутаться... Одна мысль о том, что его люди – Господи, Таура! – слепо идут за невежественным Марком на какую-то тактическую глупость, доверчиво считая, что Марк – адмирал Нейсмит, приводила в исступление. В голове были сирены и вспыхивали красные лампочки. Бел, ну почему ты не отвечаешь?

Майлз метался по конференц-залу «Триумфа» до тех пор, пока Куин не прорычала:

– Не будешь ли ты любезен сесть?

Куин не так тревожилась, как он: она еще не начала грызть ногти, это утешало. Майлз упал в кресло и тут же принялся отбивать ногой дробь. Один ботинок начал постукивать по полу. Куин посмотрела вниз, нахмурилась, открыла рот, закрыла и покачала головой. Он замер и постарался изобразить беззаботную улыбку. Впрочем, довольно безуспешно. В этот момент прибыл Баз Джезек.

– Элен уже вылетела с «Перегрина», – доложил Баз, усаживаясь в свое любимое кресло и привычным движением включая интерфейс технической службы флота. – Через несколько минут будет здесь.

– Хорошо, спасибо, – кивнул Майлз.

Майлз знал Джезека почти десять лет – столько же, сколько существовал сам флот дендарийских наемников. Весь флот состоял тогда из самого Майлза, его телохранителя, дочери телохранителя, транспортного корабля, годного лишь в утиль, пилота, пребывающего в черной депрессии, и совершенно авантюрной идеи – разбогатеть на контрабанде оружия. Баз Джезек – высокий, худощавый, темноволосый и очень несчастный двадцативосьмилетний мужчина – принес присягу лорду Форкосигану. Адмирала Нейсмита еще не существовало. Сейчас, десять лет спустя, Баз был все так же строен, только волосы у него слегка поседели. И еще у него появилась какая-то безмятежная, спокойная уверенность. Баз напоминал Майлзу аиста, затаившегося в камышах в поисках добычи, – та же долгая неподвижность и четко рассчитанные движения.

Вслед за Базом пришла Элен Ботари-Джезек. Она устроилась в кресле рядом со своим мужем. Приветствие ограничилось улыбкой и быстрым рукопожатием под столом. Элен ода-рила улыбкой и Майлза. Во вторую очередь.

Отец Элен, покойный сержант Ботари, с самого рождения Майлза был его вассалом и личным телохранителем. Майлз и Элен росли вместе. Графиня Форкосиган заменила девочке мать. Да, Элен лучше всех знала адмирала Нейсмита, лорда Форкосигана и просто Майлза.

И пожелала выйти за База Джезека... Майлз нашел единственное утешение: думать о ней, как о сестре. Элен была почти такой же высокой, как ее муж. Ее блестящие коротко стриженные черные волосы оттеняли белизну кожи. В чуть резковатых чертах лица было что-то от сержанта Ботари, но странная генетическая алхимия превратила свинец уродства в золото красоты.

«Проклятие! Элен, я все еще люблю тебя...»

Майлз одернул себя. Теперь у него есть Куин. Во всяком случае, она есть у адмирала Нейсмита.

Как дендарийский офицер Элен была его лучшим творением. Обидчивая, застенчивая, неловкая девушка на его глазах превратилась сначала в командира отряда, потом – в офицера-штабиста и, наконец, в командира корабля.

– «Ариэль» по-прежнему не отвечает, – начал Майлз без всяких предисловий: этим людям формальности не нужны. При них он мог расслабиться и позволить адмиралу Нейсмиту и лорду Форкосигану объединиться. Он мог даже отказаться от свойственного адмиралу Нейсмиту плавного бетанского выговора и вставить в речь гортанные баррарские ругательства. А

уж в том, что на на этом заседании штаба ему захочется выругаться, Майлз не сомневался. – Я хочу отправиться за ними.

Куин постучала пальцем по столу:

– Так я так и думала. А может, твой младший брат как раз на это и рассчитывает? Не исключено, что это ловушка. Помнишь, как он провел тебя в прошлый раз?

Майлз поморщился:

– Помню. У меня сразу мелькнула мысль, что это ловушка. Потому-то я и не отправился за ними еще вчера. – (Сразу же после совещания штаба в полном составе. В тот момент он готов был на братоубийство). – Допустим, поначалу Бел сам ничего не понял, а почему бы и нет? Ведь Марк сумел обмануть не только его. Но уже прошло достаточно времени, чтобы Марк совершил какую-нибудь ошибку. Следовательно, Бел должен был бы разобраться во всем. Тогда почему «Ариэль» не вернулся в соответствии с приказом?

– Марк действительно классно тебя изображает, – заметила Куин. (Уж она-то знала это на собственном опыте.) – По крайней мере так было два года назад. Если не знать о существовании двойника, можно подумать, что это – ты, но только ты – не в форме. А внешне – просто один в один.

– Но Бел-то все знает, – вставила Элен.

– Да, – согласился Майлз. – Так что, возможно, Бел не обманулся. А может, с Белом что-то случилось?

– Марку нужен экипаж – любой экипаж, – чтобы вести корабль, – сказал Баз. – Хотя, возможно, на выходе из п-в-туннеля его поджидали свои люди.

– Если он планировал захват корабля и убийство, зачем ему тогда отряд дендарийских наемников? Чтобы они ему мешали? – Логика иногда успокаивает. Иногда. Майлз глубоко вздохнул. – Или, возможно, Бела перевербовали.

Баз удивленно поднял брови. Куин закусил ноготь на мизинце.

– Как перевербовали? – спросила Элен. – Не за деньги же. – Губы у нее изогнулись в улыбке. – Думаешь, Бел отказался от попыток соблазнить тебя и решил удовлетвориться заменой?

– Не смешно, – отрезал Майлз. Баз подавил подозрительный смешок, вежливо откашлялся и невинно встретил его возмущенный взгляд, но не выдержал и захихикал.

– И вообще эта шутка устарела, – устало добавил Майлз. – Все зависит от того, что именно Марк намерен учинить на Архипелаге Джексона. Это... откровенное рабство, которое практикуют всевозможные джексоновские скульпторы по телам, глубоко оскорбительно прогрессивной бетанской душе Бела. Если Марк задумал вылазку против своей родной планеты, он запросто мог заручиться поддержкой Бела.

– За счет флота? – осведомился Баз.

– Это действительно... граничит с мятежом, – неохотно признал Майлз. – Я не обвиняю. Я просто прикидываю. Прокручиваю все варианты.

– А если Марк направился не на Архипелаг Джексона? – сказал Баз. Из местного джексоновского пространства уходит еще четыре п-в-туннеля.

– Физически это возможно, да, – сказал Майлз. – Психологически... Я ведь тоже изучал Марка. И хотя не могу утверждать, что раскусил его, но знаю, что для него значит Архипелаг Джексона. Это только чувство, но очень сильное чувство.

«Вроде изжоги».

– Но как ему удалось улизнуть? – спросила Элен. – Считалось, что Имперская служба безопасности следит за ним.

– Следит. Я регулярно получаю доклады от ребят Иллиана, – подтвердил Майлз. – Согласно последнему, который я читал в штаб-квартире Службы безопасности не далее чем три недели назад, Марк находился на Земле. Все из-за этой идиотской задержки. Если он уле-

тел, скажем, недели четыре назад, соответствующий доклад сейчас только идет с Земли на Барраяр. Спорю на сколько угодно бетанских долларов – в самое ближайшее время мы получим зашифрованное сообщение, в котором нас честно предупредят, что Марк опять скрылся от наблюдения.

– Опять? – переспросила Элен. – А что, он уже скрывался?

– Дважды. Даже трижды. – Майлз замялся. – Видишь ли, время от времени я сам пытался связаться с ним. Приглашал его прилететь на Барраяр или хотя бы встретиться со мной где-нибудь в другом месте. Каждый раз он с перепугу менял имя и местожительство. Этому его комаррские террористы хорошо обучили. А потом люди Иллиана неделями искали его. Иллиан просил меня больше не пытаться войти с ним в контакт. – Майлз погрузился в мрачное раздумье. – Матери так хочется, чтобы он приехал, но она всегда возражала, когда Иллиан предлагал устроить похищение. Я с ней соглашался. Боюсь, я был не прав.

– А твой клон, он... – начал Баз.

– Брат, – мгновенно поправил его Майлз. – Брат. Я отвергаю термин «клон» по отношению к Марку. Я запрещаю его употреблять. «Клон» подразумевает нечто заменимое. А «брат» – это нечто уникальное. И смею тебя уверить, Марк уникален.

– Пытаясь просчитать следующие шаги... Марка, – более осторожно сказал Баз, – мы можем использовать логику? Он в здравом уме?

– Если и да, то не благодаря комаррцам. – Майлз встал и принялся расхаживать по конференц-залу, не обращая внимания на яростные взгляды Куин. – Когда мы наконец узнали о существовании Марка, Иллиан поручил своим людям выяснить о нем все, что только возможно. Отчасти чтобы смягчить чрезвычайно неловкую ситуацию, в которую служба безопасности себя поставила, так долго не подозревая о его существовании. Я видел все их доклады. Все пытался и пытался понять Марка.

Майлз продолжал вышагивать: вдоль стены, до угла, поворот, вдоль следующей стены.

– Его жизнь в яслях для клонов дома Бхарапутра казалась не такой уж плохой: они заботятся о клиентах, но когда его забрали наши комаррские друзья, тут начался настоящий кошмар. Они готовили его на роль моего двойника, но всякий раз, как они приближались к цели, я откалывал очередной трюк, и им приходилось начинать все сначала. Они постоянно меняли и оттачивали свои планы. Заговор растянулся на много лет. А группа была маленькая, и средств у нее было мало. Их шеф, Сер Гален, по-моему, был не в своем уме.

Еще круг, и еще.

– Часть времени Гален обращался с Марком, как с надеждой и опорой комаррских революционеров, баловал его и постоянно твердил, что он, Марк, в случае успеха непременно станет императором Барраяра. Но иногда у Галена ум заходил за разум, он начинал видеть в Марке потомка Эйрела Форкосигана и вымещал на нем всю свою ненависть. При этом самые жестокие наказания – в сущности, пытки – он называл «дисциплинарными взысканиями». Агент Иллиана узнал это от подчиненного Галена при нелегальном допросе с применением суперпентотала, так что это правда.

Еще круг, и еще.

– Например, судя по всему, у нас с Марком разный обмен. И всякий раз, когда вес Марка превышал мой, Гален, вместо того чтобы прибегнуть к медицинским средствам, по нескольку дней не кормил его, потом позволял наесться вдоволь, а потом – под угрозой электрошока – заставлял делать физические упражнения, пока Марка не рвало. Такие вот дела, очень неприятные. Похоже, Гален отличался крайней вспыльчивостью. А может, он специально пытался сделать из Марка психа. Создать императора Майлза Безумного, который вслед за Ури Безумным уничтожил бы всю верхушку Барраяра. Однажды, – рассказал тот тип, – Марк захотел погулять ночью – просто погулять ночью – и каким-то образом сумел улизнуть. Когда комаррцы его поймали, Гален совсем сбрендил, обвинил его в попытке бегства, взял

электрошок и... – тут он увидел, как побледнела Элен, – ...и сделал что-то отвратительное. Что никоим образом не способствовало сексуальной адаптации Марка. Это было настолько ужасно, что даже сами громилы Галена умоляли своего шефа перестать.

– Неудивительно, что он ненавидел Галена, – тихо сказала Куин.

Элен отреагировала иначе.

– Ты ничего не мог сделать. Ты тогда даже не знал о его существовании.

– Я должен был знать.

– Так. И в какой степени это чувство вины определяет ход твоих мыслей, адмирал?

– Ну, в какой-то степени, наверное, определяет, – признал Майлз. – Вот почему я вас всех сюда позвал. Я чувствовал, что мне нужен взгляд со стороны. – Он замолчал и заставил себя сесть. – Но не только поэтому. Пока на нас не свалилась вся эта заваруха с «Ариэлем», я готовился дать вам сведения о новой операции.

– Ага! – удовлетворенно протянул Баз. – Наконец-то!

– Новый контракт. – Несмотря на все неприятности, Майлз улыбнулся. – Пока в дело не вмешался Марк, я считал, что тут ничего непредвиденного случиться не может. Просто оплаченный отпуск.

– То есть как это, вообще никаких боевых действий? – шутливо возмутилась Элен. – А я-то считала, что ты именно за такие штучки презирал адмирала Оссера!

– Я изменился. – Как всегда, при упоминании об Оссере у него на мгновение сжалось сердце. – С годами его методы кажутся мне все более привлекательными. Старею, наверное.

– А может, взрослеешь, – предположила Элен. Они обменялись взглядами.

– Короче, – продолжил Майлз, – высшее командование Барраяра желает предоставить некоей независимой космической пересадочной станции более мощное и современное вооружение, чем то, какое у них есть на данный момент. То, что станция Вега находится непосредственно у границ Цетагандийской империи, естественно, не случайность. Однако вышеупомянутая станция расположена очень неудобно. Куин, карту, пожалуйста.

Куин включила трехмерное голографическое изображение. П-в-туннели, обозначенные сверкающими ломаными линиями, соединяли размытые сферы обычного пространства.

– Из трех п-в-туннелей, которые контролирует Вега, один ведет в Цетагандийскую империю через сатрапию Ола Три, один блокирован Торанирой, которая выступает то с цетагандийцами, то против них, а третий принадлежит Сумеркам Зоава, политически нейтральным по отношению к Цетаганде, но опасаящимся своего большого соседа. – Пока он говорил, Куин высвечивала каждую систему. – Весь импорт тяжелого вооружения и защиты космического базирования на станцию Вега блокирован со стороны Олы Три и Тораниры. Сумерки Зоава под давлением Цетаганды тоже присоединились к эмбарго на вооружение.

– А при чем тут мы? – поинтересовался Баз.

– А при том. Мы контрабандой доставляем вьючных лошадей.

– Что? – переспросил Баз, но Элен поняла намек и усмехнулась.

– Ты никогда не слышал эту историю? Из прошлого Барраяра? Вот она. Граф Зелиг Форкосиган воевал с лордом Форвином из Хейзелбрайта во время Первого кровавого столетия. Город Форкосиган-Вашнуй был осажден. Дважды в неделю патрули лорда Форвина останавливали странного полубезумного типа с караваном вьючных лошадей и обыскивали выюки в поисках контрабанды: еды или припасов. Но выюки всегда были наполнены мусором. Они рылись в мусоре, вытряхивали его – а этот сумасшедший всегда все тщательно собирал, – потом трясли и обыскивали его самого и в конце концов отпускали. После войны пограничник Форвина встретил вассала графа Зелига, уже вполне нормального, в каком-то питейном заведении. «Что ты провозил? – спросил он недоуменно. – Мы знаем, что ты что-то провозил, но что?» А вассал графа Зелига ответил: «Лошадей».

Так вот, мы должны контрабандой провезти корабли. А именно «Триумф», «Д-16» и «Ариэль», которые принадлежат самому флоту. Мы входим в пространство станции Вега через Тораниру, якобы направляясь к Иллирии. Куда мы действительно направимся. Мы улетим через Зоав, по-прежнему со всеми людьми, но оставив три устаревших корабля. Потом мы летим дальше, к Иллирии, и получаем три новеньких боевых корабля, которые как раз сейчас достраиваются в иллирийских орбитальных доках. Подарок к Зимнепразднику от императора Грегора.

Баз только моргнул:

– И это получится?

– А почему бы и нет? Предварительная подготовка: разрешения, визы, взятки и все такое – возложена на местных агентов службы безопасности. Нам надо только пролететь, никого не потревожив. Войны нет, ни одного выстрела никто не сделает. Единственная проблема в том, что треть моего товара только что отбыла к Архипелагу Джексона, – договорил Майлз, недовольно хмыкнув.

– И сколько у нас времени, чтобы его вернуть? – спросила Элен.

– Мало. Сроки, которые нам дала Имперская служба безопасности, гибкие, но эта гибкость подразумевает дни, а не недели. Флот должен улететь с Эскобара до конца недели. Первоначально я планировал вылет на завтра.

– Так мы летим без «Ариэля»? – поинтересовался Баз.

– Придется. Но не с пустыми руками. У меня есть идея. Куин, передай иллирийские спецификации Базу.

Куин наклонилась над своим коммом и перевела зашифрованные данные на комм База. Инженер начал просматривать рекламные материалы, описания, спецификации и планы иллирийских кораблестроителей. Его лицо неожиданно осветилось улыбкой.

– В этот Зимнепраздник Дед Мороз очень щедр, – пробормотал он.

При виде данных относительно силовых установок он открыл рот и принялся жадно изучать все.

Майлз позволил Базу понаслаждаться еще несколько минут.

– Итак, – сказал он, когда смущенный Баз наконец опомнился. – Следующий после «Ариэля» по скорости и огневой мощи – «Партизан» Трузилло. – К сожалению, Трузилло был капитаном-владельцем, и у него с дендарийцами существовало отдельное соглашение. – Как ты считаешь, его удастся уговорить на обмен? Новый корабль будет быстрее и современнее, но хотя он определенно лучше «Ариэля» по вооружению, по сравнению с «Партизаном» в этом плане он несколько проигрывает. Когда мы планировали эту операцию, я думал, что мы выиграем, а не останемся при своих.

Элен приподняла бровь и улыбнулась.

– Так это твой сценарий, да?

Он пожал плечами:

– Иллиан попросил меня решить проблему эмбарго на вооружения. И принял мое решение.

– О, – пробормотал Баз, снова погружившийся в изучение данных. – Пусть только Трузилло увидит вот это... И это... и...

– Так ты считаешь, что тебе удастся его убедить? – спросил Майлз.

– Да, – уверенно ответил Баз, отрываясь от дисплея. – И тебе бы удалось.

– Только я направляюсь в противоположном направлении. Хотя если все пойдет хорошо, то не исключено, что я вас еще нагоню. Я поручаю эту операцию тебе, Баз. Куин передаст тебе все подробности, шифры и данные по агентам – все, что мне сообщил Иллиан.

Баз кивнул:

– Слушаюсь, сэр.

– Я беру «Перегрин» и отправляюсь за Марком, – добавил Майлз.

Баз с Элен только обменялись взглядами.

– Слушаюсь, сэр, – почти без паузы откликнулась Элен. – Я вчера перевела «Перегрин» с суточной на часовую готовность. На какое время мне согласовать наш отлет с эскабарским центром управления?

– Через час. – И хотя никто не потребовал объяснений, он добавил: – «Перегрин» – наш третий по скорости корабль, у которого есть неплохое вооружение, после «Партизана» и самого «Ариэля». Мне кажется, скорость сейчас имеет огромное значение. Если удастся догнать «Ариэль»... Ну, гораздо легче предотвратить заваруху, чем потом расхлебывать последствия. Сейчас я уже жалею, что не улетел вчера, я решил предоставить событиям идти своим чередом, по крайней мере какое-то время. Куин полетит со мной, потому что у нее есть бесценный опыт сбора информации на Архипелаге Джексона.

Куин пожала плечами:

– Дом Бхарапутра чертовски опасен, если Марк направляется именно туда. У них огромные средства, влияние и долгая память на обиды.

– А ты думала почему я избегаю появляться там? Существует опасность, что некоторые джексоныанцы примут Марка за адмирала Нейсмита. Например, барон Риоваль.

Да, барон Риоваль по-прежнему очень опасен. Всего три месяца назад дендарийцы расправились с очередным искателем приключений, который пытался получить награду, назначенную Риовалем за скальп адмирала Нейсмита. На данный момент это уже четвертый. Похоже, скоро это станет традицией. Может, Риоваль отправлял агента в каждую годовщину их встречи как памятный дар. У Риовалья не столь уж большое влияние и длинные руки, но он прошел процедуру продления жизни, и теперь может позволить себе не торопиться. Спешить ему некуда. Времени у него много – очень много.

– А ты не рассматривал еще один вариант решения? – медленно проговорила Куин. – Отправь курьера на Архипелаг Джексона и предупреди их. Пусть, например, дом Фелл арестует Марка и задержит «Ариэль», пока ты за ними не прибудешь. Фелл достаточно сильно ненавидит Риовалья и может защитить Марка только для того, чтобы досадить своему врагу.

Майлз вздохнул:

– Я об этом думал.

Он кончиком пальца выводил какой-то непонятный узор на крышке стола.

– Ты просил, чтобы мы тебя проконтролировали, Майлз, – напомнила ему Элен. – Чем плоха эта идея?

– Она могла бы сработать. Но если Марк действительно убедил Бела, что он – это я, они могут оказать сопротивление при аресте. У Марка на Архипелаг Джексона параноидальная реакция. Да он вообще параноик, черт возьми! Я не знаю, что он выкинет в панике.

– Ты весьма трепетно относишься к чувствам Марка, – сказала Элен.

– Я пытаюсь добиться того, чтобы он мне доверял. И этот процесс никак нельзя начать с предательства.

– А ты прикинул, во что обойдется эта небольшая прогулка, когда счет ляжет на стол Саймону Иллиану? – осведомилась Куин.

– Служба безопасности заплатит. Не колеблясь.

Куин переспросила:

– Ты уверен? Какое дело Безопасности до Марка теперь, когда он всего лишь осколок неудавшегося заговора? Барраяр может больше не опасаться, что тебя тайно подменят. Я считала, что они следят за ним исключительно из вежливости.

Майлз ответил, тщательно подбирая слова:

– Задача Имперской службы безопасности – охранять Барраярскую империю. Это включает не только охрану лично Грегора и необходимый шпионаж на галактическом уровне, –

взмах руки обозначил дендарийских наемников и широкую, хоть и сильно растянутую сеть иллиановских агентов, военных атташе и осведомителей, – но и наблюдение за непосредственными наследниками Грегора. Наблюдение не только для того, чтобы охранять их, но и в целях защиты Империи от заговоров. Я остро ощущаю, что вопрос о том, кто именно сейчас является наследником Грегора, очень щекотлив. Как бы мне хотелось, чтобы он женился и мы смогли бы наконец вздохнуть спокойно! – Майлз долго медлил. – Согласно одной версии, права лорда Марка Пьера Форкосигана на барраярский престол уступают только моим. Поэтому службе безопасности не только есть до него дело, но он – одно из важнейших их дел. Преследование «Ариэля» вполне оправданно.

– Может быть оправдано, – сухо уточнила Куин.

– Как угодно.

– Если Барраяр – как ты не раз утверждал – не примет тебя в качестве императора из-за подозрения в мутации, то, на мой взгляд, всех просто кондрашка хватит от одного только предположения, что в императорском дворце может устроиться твой клон, – сказал Баз. – Брат-близнец, – поспешно поправился он, увидев, что Майлз уже открывает рот.

– Для того чтобы возможность попытки захвата власти привлекла внимание Службы безопасности, такая попытка вовсе не должна иметь высокую вероятность, – фыркнул Майлз. – Смех! Комаррцы рассматривали своего поддельного Майлза как самозванца. По-моему, ни они, ни Марк не догадывались, что создали настоящего претендента. Ну, конечно, все равно надо, чтобы сначала умер я, так что, с моей точки зрения, этот вопрос не так важен. – Постучав по столу, он встал. – Ну, вперед, друзья.

Направляясь к двери, Элен спросила его, понизив голос:

– Майлз... А твоя мать видела те ужасные результаты расследования Иллиана относительно Марка?

Он мрачно улыбнулся:

– А кто, по-твоему, их заказал?

Глава 5

Он начал надевать полуброню. Сначала на тело ложилось изделие новейшей технологии: защитная нейробластерная сеть. Сеть, вырабатывающая поле, была вплетена в ткань облегающего костюма с капюшоном, который защищал голову, шею и лоб. Из отверстия выглядели только глаза, нос и рот. Угроза одного из самых страшных для человека видов оружия превращалась в ничто. Вдобавок этот костюм останавливал и огонь парализаторов. Как это по-нейсмитовски иметь все самое новое и лучшее и изготовленное по заказу точно на него... Неужели этот эластик и должен быть таким тугим?

Поверх сетевого костюма надевалась гибкая броня, которая остановит любой снаряд, начиная от небольших ручных ракет и кончая смертоносными иглами. К счастью, он все же смог в нем дышать: застежки были регулируемы. Он распустил их до упора. Так что бесценная защита всего лишь удобно облегла тело. Поверх был надет серый полевой камуфляж, слава Богу, просторный, изготовленный из ткани, рассчитанной на боевые условия, которая не горит и не плавится. Потом – ремни и патронташи с парализатором, нейробластером, плазмотором, аккумуляторами, альпинистской рулеткой и ремнями, кислородом на всякий случай. На плечи он надевал ремни с поместившимся за спиной плоским устройством, которое при первом же прикосновении вражеского огня создавало зеркальное противоположенное поле – с такой крошечной задержкой во времени, что даже не очень успеешь поджариться. Его хватало на то, чтобы поглотить от тридцати до сорока прямых попаданий, потом устройству, а заодно и его владельцу, приходил конец. Право же, название «полуброня» казалось неподходящим: скорее это была тройная броня.

На облегающую ноги нейробластерную сеть он натянул толстые носки, а поверх них – боевые ботинки Нейсмита. По крайней мере хоть ботинки подошли без всяких неприятных подгонок. Всего неделя бездеятельности – и уже растолстел... Нейсмит просто патологически мало ест, вот и все. Патологически мало питающийся и гиперактивный тип. Он выпрямился. Правильно надетое грозное вооружение оказалось удивительно легким.

На столике у комм-пульта дождался командирский шлем. Он взял шлем в руки и поднес к свету, жадно вглядываясь в изящные линии. Его руки могут управлять лишь одним оружием, максимум двумя. Эта вещь, через людей, которыми она командует, управляет десятками. А может управлять и сотнями и даже тысячами. В этом настоящая сила Нейсмита.

Прозвучал дверной сигнал. Он подпрыгнул, чуть не выронив шлем. Шлем можно было шмякнуть об стену – и с ним все равно ничего бы не случилось, но он почему-то осторожно положил его на место.

– Майлз? – прозвучал в селекторе голос капитана Торна. – Вы уже готовы?

– Да, входите.

Он прикоснулся к пластине, открывая дверь.

Вошел Торт, одетый так же, как он, но сдвинув капюшон с головы. Мешковатая полевая форма превратила Торта из гермафродита в бесполое существо – солдата. У Торта под мышкой тоже был командирский шлем, чуть более старый, другой модели.

Торт обошел вокруг него, взглядом проверив все оружие и показания противоположенного устройства.

– Хорошо.

Что, Торт всегда проверяет адмирала Нейсмита перед сражением? Может, у Нейсмита привычка идти на бой, не застегнув ботинки или забыв еще что-нибудь? Торт кивнул в сторону командирского шлема:

– Вот это машина! Уверены, что сможете с ней справиться?

Шлем казался новым, но не настолько. Он сомневался, чтобы Нейсмит брал в свое личное пользование списанное оружие и оборудование, какую бы экономию он ни наводил в своем флоте.

– А почему бы нет? – Он пожал плечами. – Не впервой.

– Эти штуки, – тут Торн поднял свой собственный, – поначалу просто пугают. Это не поток данных, а буквально целое наводнение. Надо научиться игнорировать все лишнее, а иначе лучше просто отключить шлем. Вот вы, – помедлил Торн, – как и старина Танг, обладаете удивительной способностью вроде бы игнорировать все – и в то же время выдергивать и мгновенно вспоминать нужные сведения. Можно подумать, у вас ум работает сразу на двух уровнях. Когда вас захватывает бой, ваша командная реакция просто потрясюще быстрая. Это ужасно затягивает. Люди, которые с вами работают, ожидают этого... и рассчитывают на вас.

Торн замолчал.

«Чего он от меня ждет?» Он снова пожал плечами:

– Я сделаю, что смогу.

– Знаете, если вы все еще плохо себя чувствуете, можете поручить всю операцию мне.

– Я что, так плохо выгляжу?

– Вы на себя не похожи.

Торн казался напряженным, почти настаивал.

– Я в полном порядке, Бел. Отстань!

– Слушаюсь, сэр. – Торн вздохнул.

– Все готово?

– Катер заправлен и вооружен. Зеленый отряд готов и сейчас ведет погрузку. Мы рассчитали все так, что выйдем на парковочную орбиту в полночь и спустимся к главному медицинскому комплексу Бхарапутры. Садимся сразу же, не ожидая, когда нам начнут задавать вопросы. Наносим удар и бежим. Если все пойдет по плану, то операция продлится всего час.

– Хорошо. – У него учащенно забилося сердце. Он постарался превратить глубокий вздох в растянутый выдох. – Пошли.

– Давайте... сначала проверим связь в шлемах, а? – предложил Торн.

Это была хорошая мысль – сделать это здесь, в тишине каюты, а не в возбужденном шуме катера.

– Хорошо, – сказал он и хитровато добавил: – Можете не торопиться.

В командирском шлеме работало более ста каналов – даже для такой небольшой операции. Вдобавок к прямой аудиосвязи с «Ариэлем», Торном и с каждым бойцом были еще боевые компьютеры на корабле, в катере и в самом шлеме. Была всевозможная телеметрия, учет зарядов оружия, новые данные по снабжению. На шлемах всех бойцов были передающие устройства, так что он мог видеть все, что видят они в инфракрасном, световом и ультрафиолетовом диапазонах, а также полный звук, показания медприборов и голографические карты. Голографический план яслей клонов был введен специальной программой, а также основной план операции и несколько запасных вариантов. Существовали каналы, которые будут использованы для подслушивания телеметрии противника. Торн уже подключил комм-связь охранников Бхарапутры. Они могли принимать даже коммерческие развлекательные радиопередачи с планеты, к которой подлетали. Когда они переключались через эти каналы, воздух на мгновение наполнялся резковатой музыкой.

Они закончили, и он обнаружил, что они с Торном смотрят друг на друга в неловком молчании. Лицо у Торна осунулось и выражало тревогу, словно он старался справиться с каким-то скрытым чувством. Вины? Какая странная мысль... Не может быть. Торн не мог его раскусить, иначе он положил бы конец всей операции.

– Мандраж, Бел? – непринужденно спросил он. – А я считал, что вы любите свою работу.

Торн вздрогнул и, глубоко вздохнув, вышел из напряженной задумчивости.

– Ага, люблю. Ну, пошли.

– Пошли! – согласился он и прошел вперед, наконец-то выбравшись из своей одинокой каюты-берлоги в освещенный коридор и наполненную людьми реальность, которую создали его действия – именно его действия.

Коридор перед люком боевого катера напоминал уже виденную им картину, только прокрученную в обратном направлении: огромные дендарийские боевики уходили, а не заваливались внутрь. На этот раз они казались притихшими, меньше дурачились и шутили. Более деловая обстановка. И у них к тому же были имена, занесенные в данные его командирского шлема, что поможет не запутаться. На всех были полуброня и шлем и, помимо ручного оружия, каждый тащил тяжелое вооружение.

Теперь, когда он знал историю чудовищного сержанта, он обнаружил, что смотрит на нее другими глазами. Вахтенный журнал сказал, что ей всего девятнадцать, хотя она и казалась старше. Четыре года назад, когда Нейсмит похитил ее у дома Риоваль, Тауре было всего шестнадцать. Он прищурился, стараясь представить ее ребенком. Его забрали отсюда в четырнадцать лет, восемь лет назад. Они с Таурой одновременно находились в доме Бхарапутра, хотя никогда и не встречались. Исследовательские лаборатории генной инженерии находились в другом городе. Дом Бхарапутра был огромной организацией, по странным джексоновским меркам – почти небольшим правительством. Если не считать того, что на Архипелаге Джексона правительств вообще не существовало.

Восемь лет...

«Сейчас уже не осталось в живых никого, кого ты знал. Ты ведь это понимаешь, правда?»

«Если я не могу сделать то, что хочу, я сделаю то, что могу».

Он шагнул к Тауре.

– Сержант Таура... – Она обернулась и брови «Нейсмита» изумленно поползли вверх. – Что это у вас на шее?

По правде говоря, он прекрасно видел, что это: большой пышный розовый бант. Надо полагать, на самом деле вопрос заключался в том, почему он повязан у нее на шее?

Она... улыбнулась (видимо, эта отвратительная гримаса должна была означать именно улыбку) и расправила бант огромной когтистой рукой. Сегодня лак на ее когтях был ярко-розовым.

– Как вы считаете, это поможет? Я хотела придумать что-то, чтобы не испугать ребятишек.

Он скользнул взглядом вверх по трем метрам полуброни, камуфляжа, ботинок, патронташей, мускулов и клыков.

«Почему-то мне кажется, что этого будет недостаточно, сержант...»

– Конечно, стоит попробовать, – выдавил он с трудом. Значит, она все-таки сознает, какая у нее странная внешность...

«Идиот! Еще бы ей не сознавать. А ты сам-то что, не понимаешь, какая у тебя странная внешность?!»

Теперь он уже почти жалел, что не отважился выйти из своей каюты во время полета и не познакомился с ней.

«Девочка с моей родины».

– Что вы чувствуете, возвращаясь обратно? – вдруг спросил он. Неопределенный кивок должен был означать приближающуюся посадочную зону дома Бхарапутра.

– Что-то странное, – призналась она, сдвигая густые брови.

– Вам знакома эта посадочная площадка? Вы тут когда-нибудь были?

– В этом медкомплексе – нет. Я почти не выходила из генлабораторий, не считая двух лет, когда жила у наемных приемных родителей. Но это было в том же городе. – Таура повернула голову, понизила голос чуть ли не на октаву и рявкнула приказ о погрузке оборудования сво-

ему подчиненному, который тут же поспешил его выполнять. Она снова повернулась к нему, и ее голос зазвучал мягко, но нарочито небрежно. Находясь при исполнении служебных обязанностей, она больше ничем не выдала неподобающую близость: похоже, они с Нейсмитом были осторожными любовниками – если вообще были любовниками. Эта сдержанность его успокоила. – Я мало выходила.

Он тоже понизил голос:

– Вы их ненавидите?

«Так, как я?» Совсем другой вопрос, но тоже очень интимный.

Она задумчиво усмехнулась.

– Наверное... Пока я росла, они меня ужасно донимали, но в то время я не воспринимала это как плохое обращение. Конечно, все это неприятные тесты, но это все было для науки... Они не хотели специально причинить мне боль. Да мне и не было по-настоящему больно, пока они не продали меня Риовалю, после отмены проекта «Суперсолдат». То, что хотел со мной сделать Риоваль, было ужасно, но такова уж природа Риовалья. А вот Бхарапутре... Бхарапутре не было до меня дела. Это меня оттолкнуло. Это было больно. Но когда появились вы... – у нее просветлело лицо, – как рыцарь-избавитель в блистающей броне, и все такое прочее.

Его снова захлестнула волна возмущения.

«Пошел бы этот рыцарь в сверкающей броне куда подальше вместе со своей лошадью!»

И еще он подумал: «Я тоже могу спасти других!»

К счастью, Таура смотрела в сторону и не заметила отблески гнева в его глазах. Или, может, решила, что это гнев на ее мучителей.

– Но как бы то ни было, – пробормотала она, – меня даже не существовало бы, если бы не дом Бхарапутра. Они меня создали. Я живу насколько хватит моей жизни. Платить ли мне смертью за жизнь?

Ее странное искаженное лицо стало задумчивым.

Он слишком поздно осознал, что командос перед боевым заданием должен быть настроен несколько более боевито.

– Не обязательно. Мы должны спасти клонов, а не убивать служащих Бхарапутры. Мы убиваем только тогда, когда приходится, а?

Это оказалось удачным нейсмитством: Таура подняла голову и улыбнулась ему.

– Я так рада, что вам лучше. Я ужасно беспокоилась. Я хотела к вам зайти, но капитан Торн не позволял.

Ее глаза стали теплыми, как желтое пламя.

– Да, я был... очень нездоров. Торн поступил правильно. Но... может, мы сможем поговорить на обратном пути.

Когда все будет позади. Когда он завоюет право...

Завоует право на что?

– Заметано, адмирал. – Она подмигнула (о, Боже!) и выпрямилась, яростно радостная. «Что я ей пообещал?» И снова став образцовым сержантом, принялась присматривать за своим отрядом.

Он прошел следом за ней в боевой катер. Здесь освещение менее яркое, воздух холоднее и, конечно, никакой силы тяжести. Он плыл от захвата к захвату следом за капитаном Торном, мысленно прикидывая, как разместит свой груз. От двенадцати до четырнадцати рядов ребятишек, посаженных по четыре в ряд... Места предостаточно. Катер был рассчитан на перевозку двух отрядов плюс бронированные платформы или полевой госпиталь. В конце располагался пункт первой помощи и переносная криокамера на случай крайних ситуаций. Все оборудование сейчас закрепляли спокойно движущиеся люди в сером, без суеты и лишних разговоров. Для всего есть место – и все находятся на своем месте.

Пилот катера уже сидел в своем кресле. Торн занял место второго пилота. «Нейсмит» занял место связиста прямо за ними. Из фонаря были видны далекие резко очерченные звезды, ближе – мигающие огни, говорившие о человеческой деятельности, а на самом краю обзора находился яркий выгнутый край планеты. Почти дома. Его начало подташнивать – и не только от невесомости. Голову под шлемом сжало тугим обручем боли.

Пилот включил свой комм:

– Пересчитайте-ка мне всех, Таура. У нас пятиминутный разгон, чтобы скорости совпали, а потом мы падаем.

Через несколько секунд сержант Таура ответила:

– Порядок. Все бойцы пристегнуты, люк загерметизирован. Мы готовы. Давай – повторяю – давай.

Торн оглянулся и ткнул пальцем. Клон поспешно пристегнул ремни – еле успел. Ремни сильно врезались в тело, и его начало швырять из стороны в сторону, пока «Ариэль», сотрясаясь, выходил на парковочную орбиту. Такие эффекты ускорения в большом корабле нейтрализуются искусственной гравитацией.

«Когда они говорят „падаем“, – пронеслось у него в голове, – они ничуть не преувеличивают».

Впереди, через фонарь, было видно, как тошнотворно поворачиваются планета и звезды. Он закрыл глаза. Желудок у него пытался вскарабкаться вверх к пищеводу. Он вдруг осознал скрытое преимущество полной космической брони. Если вдруг обделаешься от ужаса, об этом позаботится сансистема костюма и никто ничего не узнает.

За оболочкой корабля начал свистеть воздух: они вошли в ионосферу. Ремни пытались разрезать его на ломтики, как вареное яйцо.

– Весело, а? – заорал Торн, ухмыляясь, как сумасшедший. Его лицо искривилось, губы обвисли от торможения. Они летели прямо вниз – по крайней мере туда был направлен нос корабля, хотя кресло пыталось катапультировать его прямо в потолок, сломав шею и расплющив череп.

– Очень надеюсь, что у нас на пути ничего не окажется! – весело крикнул пилот. – Это ведь не согласовано ни с одним диспетчером полетов, знаете ли!

Он представил себе воздушное столкновение с большим коммерческим пассажирским катером... Пять тысяч мужчин и женщин на борту... Громадные желто-черные взрывы, разлетающиеся тела...

Они перешли через терминатор в сумерки. Потом наступила темнота, проносящиеся мимо облака... Тучи... Катер вибрировал и завывал, как одуревшая туба... И он готов был поклясться, что катер по-прежнему несется вертикально вниз, хотя и не мог понять, как пилоту удастся ориентироваться в этом орущем тумане.

А потом вдруг они полетели горизонтально, как атмосферный катер: облака наверху, огни города, словно драгоценные камни, рассыпавшиеся по ковро... Катер камнем падал вниз. У него начал сжиматься позвоночник, все сильнее и сильнее. Новый отвратительный скрежет – это выпущены шасси катера. Внизу возникли полуосвещенные здания. Темная спортплощадка...

«О, черт, – вот оно, началось!» Здания вдруг оказались вокруг них, над ними. Удар, хруст гравия... Надежная посадка на все шесть опор. Тишина оглушила его.

– Прекрасно, пошли! – Торн вскочил с кресла, покрасневший, с глазами, горевшими то ли жадной крови, то ли страхом, то ли и тем и другим одновременно – трудно сказать.

«Нейсмит» протопал по трапу вниз следом за дюжиной дендарийцев. Его глаза уже наполовину привыкли к темноте, а вокруг комплекса горело достаточно огней, рассеивающих туман в прохладном воздухе, так что он мог видеть, хотя цвета и не воспринимались. Тени казались черными и угрожающими. Сержант Таура знаками разделила своих людей. Никто не шумел.

Молчаливые лица освещались короткими отрывистыми вспышками света, когда шлемы выдавали какие-то данные. Одна дендарийка с дополнительными скопами на шлеме выкатила одноместный воздушный мотоцикл, села на него и бесшумно поднялась. Прикрытие с воздуха.

Пилот остался в катере, и Таура отсчитала еще четырех дендарийцев. Двое растворились в темноте, еще двое остались с катером как арьергард. Они с Торном об этом спорили. Торн хотел усилить охрану. Чутье говорило ему, что им в яслях понадобится как можно больше бойцов. Гражданские охранники госпиталя особой опасности не представляли, а войска появятся не сразу. К тому времени дендарийцы уже исчезнут – если смогут достаточно быстро погрузить клонов. Задним числом он проклинал себя, что на Эскобаре не потребовал два отряда коммандос. Ему совсем нетрудно было бы это сделать, но он сомневался, поместятся ли они в «Ариэле», и считал, что экономит жизнеобеспечение для обратного перелета. Столько всего надо учесть!

Шлем окружал его разноцветным ворохом шифров, чисел, графиков... Он пытался изучать их все, но данные мелькали слишком быстро: не успевал он рассмотреть и расшифровать одни, как появлялись следующие. Он последовал совету Торна и шепотом уменьшил яркость до минимума. Слуховые каналы шлема мешали меньше: никто не болтал попусту.

Он, Торн и семь дендарийцев побежали за Таурой (она просто шагала) между двумя зданиями. Переключив канал шлема на частоту охраны, он обнаружил, что охранники Бхарапутры зашевелились.

Первая реакция была вполне обычной: «Какого дьявола? Ты слышал? Джо, проверь четвертый сектор!»

Он был уверен, что на этом дело не кончится, хотя и не собирался ждать, что будет дальше.

За угол. Так. Трехэтажное красивое белое здание – множество растений и уютных уголков вокруг, большие окна, балконы. Надпись на фронтоне «Дом Жизни» была достаточно двусмысленной – вполне в духе местных традиций.

«Дом смерти. Мой милый старый дом».

Все здесь было до боли знакомым – и до боли чужим. Когда-то этот дом казался ему просто роскошным. Теперь... гораздо меньше, чем он помнил.

Таура подняла плазмотрон, включила широкий луч и убрала запертые стеклянные двери, растекшиеся оранжевыми, белыми и голубыми струями. Дендарийцы проскочили внутрь, рассыпавшись направо и налево. Один остался охранять дверь. Сработали сигналы тревоги: проходя, дендарийцы сбивали шумные громкоговорители навскидку, но установки в глубине здания продолжали приглушенно шуметь. Автоматические огнетушители развозили у них на пути воду и пену.

Он побежал вперед. Охранник в форме дома Бхарапутра – коричневой с розовым – выскочил в коридор. Три дендарийских парализатора одновременно уложили его.

Таура с двумя дендарийками отправилась по лифтовой шахте на третий этаж. «Нейсмит» провел Торна и остальных дендарийцев на второй этаж, а оттуда – налево. Двое безоружных мужчин и женщина в ночной рубашке были обезврежены мгновенно. Так. Теперь к той двустворчатой двери. Дверь заперта. Кто-то стучится изнутри.

– Мы сейчас откроем двери, – прокричал Торн. – Отойдите, а то вам достанется!

Стук прекратился. Торн кивнул. Один из дендарийцев переключил плазменную дугу на узкий луч и перерезал металлическую задвижку. Ударом ноги Торн распахнул двери.

Светловолосый молодой человек, отступив на шаг, озадаченно уставился на Торна:

– Вы не пожарные.

Толпа мужчин, а точнее, высоких мальчишек, теснилась в коридоре. Ему не было нужды напоминать себе, что это – десятилетние ребяташки, но он не знал, как их воспринимают дендарийцы. Здесь были люди всевозможного роста, сложения и расы – куда более пестрая компа-

ния, чем греческие боги, которых можно было ожидать в таком идиллическом окружении. Но каждый светился здоровьем насколько позволяла наследственность. На всех были одинаковые пижамы: бронзово-коричневые курточки и шорты.

– Иди, – прошипел Торн, подталкивая его. – Говори.

– Пересчитай присутствующих.

– Ладно.

Он тысячи раз мысленно репетировал эту речь, проигрывая все возможные варианты. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что не начнет словами «Я – Майлз Нейсмит». У него отчаянно колотилось сердце. Он набрал воздуха.

– Мы – дендарийские наемники. Мы пришли спасти вас.

На лице мальчугана отразилась смесь презрения, отвращения и страха.

– Ты похож на гриб, – недоуменно сказал он.

Это было настолько... настолько не по сценарию. Из тысячи заранее подготовленных фраз ни одна не была рассчитана на такое. Со своим командирским шлемом он, наверное, и в самом деле слегка походил на большой серый гриб. Да, образ далеко не героический.

Он сорвал с себя шлем, скинул капюшон и оскалился... Парнишка отшатнулся.

– Слушайте меня, вы, клоны! – заорал он. – Тайна, которую вам повторяли шепотом, – правда! Каждый из вас ожидает своей очереди под ножом хирурга дома Бхарапутра. Они засунут вам в череп чужие мозги, а ваши выбросят на помойку. Вот куда один за другим уходили ваши друзья – на смерть. Мы увезем вас на Эскобар, где вам предоставят убежище...

С самого начала в коридоре собрались не все мальчишки, а теперь те, кто стоял сзади, начали по одному отходить и возвращаться в свои отдельные комнаты. Послышался шум. Один темноволосый мальчишка попытался проскочить в коридор за двустворчатой дверью, и командос применил стандартный захват. Клон завопил от боли и неожиданности – и этот звук и потрясение прокатились, как взрывная волна. Парнишка яростно вырывался. У дендарийца вид был раздосадованный и неуверенный. Он не отпускал парнишку, ожидая дальнейших указаний.

– Возьмите своих друзей и следуйте за мной! – отчаянно проорал «Нейсмит» отступающим мальчишкам. Блондин резко повернулся и бросился бежать.

– По-моему, они нам не поверили, – сказал Торн. – Наверное, проще было бы их всех парализовать и унести. Мы не можем терять время – слишком плохая охрана.

– Нет...

Шлем вызывал командира. Он снова нахлобучил его. Голос сержанта Тауры, автоматически выделенный каналом, звучал достаточно разборчиво:

– Сэр, нам тут нужна ваша помощь.

– В чем дело?

Ее ответ заглушил голос женщины с воздушного мотоцикла:

– Сэр, с балконов дома, в котором вы находитесь, слезают несколько человек. А с севера подходят четыре охранника дома Бхарапутра.

Он отчаянно перебирал каналы, пока не нашел канал воздушной охраны.

– Не давай им уйти!

– Как я могу их остановить, сэр? – вопрос прозвучал резко.

– Парализатор, – беспомощно пролепетал он. – Подожди! Не парализуй тех, что спускаются, подожди, чтобы они слезли.

– Тогда мне будет плохо видно.

– Делай, что можешь. – Он снова нашел Тауру. – Что такое, сержант?

– Я хочу, чтобы вы поговорили с одной ненормальной. Уж вы-то сможете ее убедить – больше никто не может.

– Здесь... не все под контролем.

Торн поднял глаза к небу.

Тем временем пленный клон отчаянно лягался. Торн перевел свой парализатор на минимум и прикоснулся к шее брыкающегося мальчишки. Тот дернулся и бессильно обмяк. Не потеряв сознания, дико водя затуманившимися глазами, он начал плакать.

В приступе малодушия дубль-Майлз сказал Торну:

– Собери их всех. Как только сможешь. Я пойду к Тауре.

– Валяй, – прорычал Торн без всякой почтительности и резко повернулся, собирая своих людей. – Ты и ты – идите по той стороне. Ты – по другой. Ломайте двери.

Он позорно бежал под треск выбиваемых дверей.

Наверху было тише. Девочек меньше, чем мальчиков – в его время такая диспропорция тоже замечалась. Он часто задумывался над ее причиной. Переступив через тело коренастого охранника, он пошел к сержанту Тауре, ориентируясь по плану в шлеме.

Примерно десяток девочек сидели по-турецки на полу, сцепив руки за головой, под угрозой дендарийского парализатора. Их пижамные курточки и шорты были из розового шелка, а в остальном ничем не отличались от мальчишечьих. Вид испуганный, но по крайней мере сидят молча. Он шагнул в боковую комнату и там обнаружил Тауру и вторую дендарийку, нависших над высокой смуглой девочкой-женщиной, сидевшей за комм-пультом, агрессивно скрестив руки на груди. Там, где должна была находиться пластина экрана, дымились дыра от плазменного удара.

Девочка повернула голову, встряхнув длинными черными волосами, переведя взгляд с Тауры на него.

– Госпожа моя, ну и цирк!

Голос ее обжигал презрением.

– Она отказывается стронуться с места, – сказала Таура. В голосе ее звучало странное беспокойство.

– Девочка, – он отрывисто кивнул, – если ты останешься, ты умрешь. Ты – клон. Твое тело предназначено твоему предку. Твой мозг извлекут и уничтожат. Возможно, очень скоро.

– И без тебя знаю, – сказала она презрительно, словно идиоту.

– Что?! – У него отвисла челюсть.

– Я знаю. И довольна своим предназначением. Моей госпоже угодно, чтобы было так. Я всецело предана своей госпоже.

Она подняла голову, и в глазах ее мелькнуло непонятное мечтательное обожание.

– Она связалась со службой безопасности Дома, – напряженно сказала Таура, кивая в сторону дымящегося экрана. – Описала нас, наше снаряжение – даже сообщила приблизительную численность.

– Вам не разлучить меня с моей госпожой, – подтвердила девочка с холодным и уверенным кивком. – Охранники вас убьют и спасут меня. Я – очень важная персона.

Как, к дьяволу, им удалось вывернуть девчонке мозги наизнанку? И можно ли все исправить за тридцать секунд? Он решил, что нет.

– Сержант. – Он сделал глубокий вдох и пропищал на выдохе: – Парализуйте ее.

Девочка попробовала увернуться, но не успела: парализатор ударил ей точно в лоб. Таура перепрыгнула через комм-пульт и поймала голову девочки до того, как она стукнулась об пол.

– У нас все? – спросил он.

– Как минимум две убежали по черной лестнице, – доложила Таура, хмурясь.

– Их парализуют, когда они попытаются выйти из здания, – успокоил он.

– А что, если они спрячутся внизу? На их поиски уйдет время. Нам уже пора возвращаться на катер.

– Секунду. – Он неловко перебрал каналы связи в поисках Торна. Донесся чей-то вопль: «...ин сын! Ах ты, маленький...».

– Что? – рявкнул Торн затравленно. – Ты уже собрал этих девчонок?

– Одну пришлось парализовать. Послушай, у тебя есть сведения об их количестве?

– Да, обнаружили на комме у зрителя. Тридцать восемь мальчишек и шестнадцать девочек. У нас не хватает четырех – наверное, слезли с балкона. Рядовая Филиппи уложила троих, но утверждает, что четвертого не видела. Как у тебя?

– Сержант Таура говорила, что две девочки спустились по черной лестнице. – Он осмотрелся, стараясь не замечать дисплеи шлема, завихрившихся всеми цветами радуги. – Сержант, Торн говорит, что здесь должно быть шестнадцать тел.

Таура высунула голову в коридор, шевеля губами, потом вернулась, уставившись на парализованную девочку.

– Все равно одной не хватает. Кестертон, осмотри этаж, загляни в шкафы и под кровати.

– Слушаюсь, сержант. – Дендарийка бросилась выполнять приказ.

Он пошел за ней. В шлеме настойчиво звучал голос Торна:

– Пошевеливайтесь, там! Похищение рассчитано на быстроту, помните? У нас нет времени собирать разбежавшихся!

– Подожди, черт побери!

В третьей комнате рядовая заглянула под кровать и сказала:

– Ха! Поймала! – Она схватила брыкающуюся жертву за щиколотки и потянула. Добыча выскользнула на свет божий: невысокая девочка в розовой пижамной кофточке и шортах. Она тихонько повизгивала, ни на что не надеясь. У нее была копна белокурых кудряшек, но самым удивительным в ее внешности был потрясающий бюст: громадные налившиеся шары, которые не мог сдержать натянутый до предела шелк. Она перекатилась на колени и села на пятки, бессознательно поддерживая руками тяжелую грудь, словно по-прежнему потрясенная ее появлением.

«Десятилетняя. Сволочи!»

На вид ей было все двадцать. И такая чудовищная гипертрофия просто не могла быть естественной. Видимо, таково было требование заказчика. Вполне разумно: пусть клон пройдет все хирургические и обменные страдания. Осиная талия, широкие бедра...

– Уйдите, – скулила она, – уйдите, отстаньте! За мной завтра мамочка приедет!

– Парализуйте, – прохрипел он.

Им придется ее нести, но по крайней мере не придется ее слушать.

– Бедная куколка, – прошептала дендарийка.

Шлем вызвал его:

– Сэр, мы только что оттеснили парализаторами пожарных Бхарапутры. На них не было противопарализаторных костюмов. Но у охранников есть. Они высылают новые отряды, с более тяжелым вооружением. Парализаторы уже бесполезны.

«Нейсмит» попытался определить местоположение говорившего. Но не успел он это сделать, как взволнованный голос охранника с воздуха прервал его поиски:

– Сэр, с юга к вашему зданию подходит команда с тяжелым вооружением. Вам надо выбираться как можно скорее. Здесь скоро станет жарко.

Он дал знак, и дендарийка, подхватив «куколку», вышла из спальни.

– Сержант Таура, – окликнул он, – вы слышали сообщение?

– Да, сэр. Давайте двигаться.

Таура перекинула вторую парализованную девушку через плечо, и они повели толпу перепуганных девиц вниз по лестнице. Девочки запротестовали, когда их направили к спальням мальчиков.

– Нам туда нельзя. Нас накажут.

Торн уложил шестерых парализованных мальчишек лицом вверх на полу в коридоре. Остальные стояли в ряд лицом к стене, расставив ноги, в позе пленных, а двое рядовых орали

на них, заставляя оставаться на местах. Одни клоны злились, другие плакали, но все были перепуганы до смерти.

Он с ужасом посмотрел на парализованных:

– Как мы их всех утащим?

– Пусть сами и несут, – сказала Таура. – Так у нас руки будут свободны, а у них – заняты. Она заботливо уложила свою ношу в конце ряда.

– Хорошо, – откликнулся Торн, с трудом отрывая зачарованный взгляд от «куколки». – Ворли, Кестертон, давайте-ка... – Он не договорил: срочное сообщение перекрыло все каналы в командирских шлемах.

Это кричала рядовая на воздушном мотоцикле:

– Сукин сын, катер... Внимание, ребята, слева от вас... – горячая волна помех, и: – ... А, едрена вошь...

И молчание – только шум помех на опустевшем канале.

Он отчаянно стал искать ее телеметрию – любой показатель с ее шлема. Локатор по-прежнему работал, показывая, что она находится на земле между двумя зданиями позади спортплощадки, на которой приземлился катер. Медицинские показания превратились в прямые линии. Погибла? Не может быть, должны сохраниться показатели химической активности крови... Помехи, изображение – туманное небо... Наконец-то он догадался: Филиппи потеряла шлем. Что еще она потеряла?

Торн поочередно вызывал то пилота катера, то охранников, оставленных в арьергарде. Никакого ответа. Капитан разразился проклятиями.

– Попробуй ты.

Все те же опустевшие каналы. Два других оставленных в охране дендарийца вели перестрелку с отрядом тяжеловооруженных охранников дома Бхарапутра.

– Нам надо определиться, – рявкнул Торн. – Сержант Таура, вы распоряжайтесь здесь, готовьте детей к быстрому маршу. Ты... – Похоже, теперь так обращались к нему. Почему Торн больше не называет его «адмирал» или «Майлз»? – ... пойдешь со мной. Рядовой Самнер, прикройте нас.

Торн бросился бежать. Клон проклинал свои короткие ноги. Вниз по лифтовой шахте, наружу через все еще горячие входные двери, за угол темного здания... Он догнал Торна – капитан прижался к углу здания, стоявшего у спортплощадки.

Катер был на месте, с виду целый и невредимый – ведь, конечно же, никакое оружие не может повредить его оболочку, рассчитанную на бой в космосе? Трап втянут, люк закрыт. Темная фигура – павший дендариец или неприятель? – обмякла в тени под крылом. Торн, шепотом матерясь, начал набирать код на пульте. Люк распахнулся, трап скользнул вниз под вой сервомоторов... По-прежнему никого.

– Я войду, – объявил Торн.

– Капитан, согласно уставу, это моя обязанность, – сказал рядовой, выглядывая из-за огромной бетонированной кадки.

– Не сейчас, – отрезал Торн и зигзагом бросился вперед, взбежал по трапу и ворвался внутрь, держа плазмотрон на изготовку. Мгновение спустя из комм донесся его голос: – Давай, Самнер.

«Нейсмит» пошел за Самнером. Внутри была крошечная тьма. Они включили освещение шлемов: щупальца лучей метались из стороны в сторону... Внутри все вроде в порядке, но дверь в кабину пилота запечатана.

Торн знаком приказал рядовому занять позицию напротив и готовиться стрелять. Лже-Майлз встал позади Торна. Торн набрал еще один шифр. Дверь с мучительным стоном отъехала в сторону, содрогнулась и заклинилась.

Волна жара хлынула, как из топки. Затем последовал оранжевый взрыв: кислород ворвался в раскаленную кабину, и загорелось все, что могло гореть. Рядовой натянул кислородную маску, сорвал со стены химический огнетушитель и направил его в рубку пилота. Через несколько секунд они вошли.

Все оплавилось и сгорело. Пульт потек, оборудование обуглилось. В рубке стоял удушающий запах токсических продуктов сгорания пластика. И еще один – органический запах. Обуглившегося мяса. То, что осталось от пилота... Он отвернулся и с трудом сглотнул.

– У Бхарапутры нет... не должно было быть тяжелого оружия внутри комплекса!

Торн зашипел – ругательств у него уже не осталось – и ткнул пальцем:

– Они швырнули сюда пару наших собственных термомин, закрыли дверь и сбежали. Пилота должны были сначала парализовать. Один... сообразительный бхарапутрянский сукин сын... У них не было тяжелого оружия – они воспользовались нашим! Оттянули или оттеснили мою охрану, забрались внутрь – и посадили нас. Даже не стали задерживаться, устраивать засаду... Они могут сделать это, когда пожелают. Этот зверь больше не полетит.

Лицо Торна в свете ламп походило на вырезанный из камня череп.

От ужаса у клона перехватило горло.

– И что нам теперь делать, Бел?

– Отступить к зданию. Установить круговую оборону. Использовать заложников, чтобы обговорить условия сдачи.

– Нет!

– Ты можешь предложить что-нибудь получше... Майлз? – Торн скрипнул зубами. – Так я и думал.

Пораженный рядовой уставился на Торна.

– Капитан... – Он смотрел то на одного, то на другого. – Адмирал нас выручит. Мы бывали в переделках и похлеще.

– На этот раз – нет. – Торн выпрямился. Его голос был искажен мукой. – Моя вина – я за все в ответе... Это не адмирал. Это его брат-клон, Марк. Он нас провел, но я догадался уже давно. Раскусил его еще до посадки, пока мы даже не вошли в джексоновское пространство. Я решил, что справлюсь сам – и меня не поймают.

– А?..

У рядового недоверчиво шевелились брови. Такой пораженный вид мог быть у клона, почувствовавшего, что его усыпляют.

– Мы не можем... не можем предать этих детей и отдать обратно в руки Бхарапутры, – умоляюще прошептал Марк.

Торн запустил руку в обуглившийся комм, приклеенный к тому, что было креслом первого пилота.

– Кто предан? – Он провел осыпающуюся черную полосу по лицу Марка от щеки к подбородку. – Кто? – прошипел Торн. – У тебя есть... мысль... получше?

Марка трясло, в голове была полная пустота. Уголь на щеке горел.

– Отступайте к зданию, – сказал Торн. – Это – мой приказ.

Глава 6

– Никаких подчиненных, – твердо сказал Майлз. – Мне надо говорить с самым главным: раз – и все. И потом уматывать отсюда.

– Я попытаюсь еще, – сказала Куин. Она снова повернулась к комм-пульту тактического центра «Перегрин», который сейчас передавал изображение высокопоставленного офицера безопасности дома Бхарапутра, и снова принялась спорить.

Майлз откинулся в кресле, прижав ступни к полу, заставив руки спокойно лежать на утыканных кнопками управления подлокотниках. Спокойствие и самообладание. Такова стратегия. В данный момент – это единственная стратегия, которой он может воспользоваться. Если бы только он оказался здесь на девять часов раньше... Он методично осыпал проклятиями все задержки последних пяти дней на всех известных ему четырех языках, пока не иссяк словарный запас. Они не жалели топлива и вели «Перегрин» с максимальным ускорением, так что почти сократили разрыв между ним и «Ариэлем». Почти. Задержки как раз дали Марку время воспользоваться этой бредовой идеей и довести дело до катастрофы. Но не одному только Марку. Майлз больше не придерживался теории, по которой у катастрофы был только один автор-герой. Такая полная каша требовала содействия нескольких десятков помощников. Ему очень хотелось поговорить наедине с Белом Торном – и как можно скорее. Он не ожидал, что Бел окажется таким же путаником, как и сам Марк.

Майлз осмотрел тактический центр, усваивая последнюю информацию. «Ариэль» вышел из игры: отступил под огнем противника и под командованием заместителя Торна, лейтенанта Харта, пристыковался к станции Фелл. Теперь его блокировало полдюжины кораблей охраны дома Бхарапутра, остановившихся на границе зоны Фелла. Еще два корабля Бхарапутры сейчас сопровождали на орбите «Перегрин». Пока это всего лишь условность: «Перегрин» сильнее обоих, вместе взятых. Это распределение сил изменится, когда к ним присоединятся все бхарапутрянские корабли. Если он не сможет убедить барона Бхарапутру, что в этом нет необходимости.

Он вызвал на свой дисплей вид ситуации на планете в том виде, как ее сейчас расшифровывал боевой компьютер «Перегрин». Внешняя структура медкомплекса была понятна даже с орбиты, но ему не хватало деталей внутреннего устройства, которые оченьгодились бы, если бы он планировал хитроумное нападение. Никакого хитроумного нападения. Переговоры и подкуп... Он поморщился, предвидя расходы. Бел Торн, Марк, Зеленый отряд и около пятидесяти заложников-бхарапутрян сейчас окружены в одном здании, отрезаны от поврежденного катера – и это длится уже восемь часов. Погиб пилот катера, трое рядовых ранены. Майлз поклялся себе, что за это Бел лишится командования.

Там, внизу, скоро рассветет. Бхарапутряне эвакуировали из комплекса всех гражданских лиц – слава Богу! – но взамен ввели тяжеловооруженный отряд и тактическое оборудование. Только из-за своих драгоценных клонов они пока не атакуют здание. Увы, он будет вести переговоры не с позиции силы.

Только спокойствие...

Куин, не оборачиваясь, подняла руку, подавая сигнал: «Готовься». Майлз осмотрел себя. Повседневный серый офицерский мундир был взят взаймы у самого низкорослого члена экипажа «Перегрин» – полутораметровой женщины-инженера и плохо на нем сидел. Недоставало половины нужных знаков различия. Существует агрессивно-небрежный стиль командования, но, право же, для успеха необходимо побольше реквизита. Предельная собранность и скрытая ярость должны придать недостающую внушительность. Если бы не биочип на блуждающем нерве, то у него сейчас началось бы очередное прободение язвы желудка. Он подготовил пульт к подключению и стал ждать.

И вот появилось изображение хмурого мужчины. Темные волосы стянуты сзади золотым кольцом, подчеркивая волевые черты лица. Шелковая бронзово-коричневая туника – и никаких драгоценностей. Оливково-смуглая кожа. На вид – около сорока. Внешность бывает обманчивой. Для того чтобы стать неоспоримым главой джексоновского дома, нужна не одна жизнь, полная битв и интриг. Васа Луиджи, барон Бхарапутра, уже по крайней мере двадцать лет носил тело клона. Он явно хорошо о нем заботился. Период уязвимости при еще одной пересадке мозга вдвойне опасен для человека, о чьей власти мечтает такое количество беспринципных подчиненных.

«С таким человеком шутки плохи», – решил Майлз.

– Бхарапутра слушает, – сообщил мужчина в коричневом и стал ждать. Действительно, следовало считать, что этот человек и его дом – это одно.

– На связи Нейсмит, – сказал Майлз. – Командующий флотом дендарийских наемников.

– Очевидно, командующий не всем флотом, – невозмутимо отозвался Васа Луиджи.

Майлз раздвинул губы, не разжимая зубов, и ухитрился не покраснеть.

– Вот именно. Вы, надеюсь, поняли, что я не санкционировал этот налет?

– Я понял, что вы это утверждаете. Лично я не стал бы с такой готовностью объявлять о том, что подчиненные вышли из-под контроля.

«Он тебя дразнит. Спокойствие».

– Нам надо четко обозначить все факты. Я еще не выяснил, действительно ли капитан Торн совершил измену или просто обманут моим братом-клоном. В любом случае это ваш продукт по каким-то сентиментальным соображениям совершал попытку отомстить. Я – посторонний, пробующий все уладить.

– Вы, – барон моргнул, как ящерица, – просто диковинка. Мы вас не изготавливали. Откуда вы взялись?

– Это важно?

– Может оказаться важным.

– Тогда я могу продать вам эту информацию или обменять еще на что-то. Но даром я ее не отдам.

Это соответствовало хорошему тону, принятому на Архипелаге Джексона, – барон кивнул, ничуть не обидевшись. Они вступили в область Сделки, пусть это еще и не было переговорами между равными. Отлично.

Но барон не стал сразу же продолжать расследование происхождения Майлза.

– Так что вы от меня хотите, адмирал?

– Я хочу помочь вам. Если мне предоставить свободу действий, я могу извлечь своих людей из этого неприятного тупика на планете с минимальными потерями персонала и собственности Бхарапутры. Тихо и чисто. Я даже готов говорить о разумном возмещении причиненного ущерба.

– Мне не нужна ваша помощь, адмирал.

– Нужна, если не хотите увеличивать свои затраты.

Васа Луиджи прищурился, обдумывая его слова:

– Это угроза?

Майлз пожал плечами:

– Напротив. Наши с вами затраты могут оказаться очень незначительными – или очень крупными. Я бы предпочел первое.

Взгляд барона на мгновение отклонился вправо, к какому-то предмету или человеку, который находился за пределами обзора камеры.

– Извините, адмирал, – минутку.

Вместо его изображения появился абстрактный узор.

Куин подошла поближе:

– Как ты думаешь, мы сможем спасти кого-то из этих несчастных клонов?

Он запустил руку в шевелюру:

– Дьявольщина, Элли, я все еще пытаюсь вызволить Зеленый отряд! Сомневаюсь.

– Страшно обидно. Мы так далеко летели.

– Послушай, у меня есть возможность совершать крестовые походы поближе к дому, – если они мне понадобятся. Черт возьми, гораздо больше, чем пятьдесят ребятишек каждый год умирают в глубинке Барраяра по подозрению в мутации, например. Я не могу себе позволить... донкихотство Марка. Не знаю, откуда у него эти идеи. Наверняка не из дома Бхарапутра. И не от комарцев.

Куин подняла брови, открыла рот, но передумала и только грустно улыбнулась. Но в конце концов все-таки сказала:

– Я думаю о Марке. Ты все же говоришь, что хочешь заставить его доверять тебе.

– Подарить ему клонов? Хотел бы я, чтобы это было возможно. Сразу после того, как я придушу его голыми руками, а это будет вслед за тем, как я повешу Бела Торна. Марк – это Марк и ничего мне не должен, но Белу следовало бы знать, что он делает.

Он крепко стиснул зубы. Ее слова потрясли его, вызвав лихорадочные видения: оба корабля со всеми клонами на борту совершают нуль-переход из пространства Архипелага Джексона... Показав язык нехорошим бхарапутрянам, Марк, запинаясь, благодарит его. Восхищенно... И он привозит их всех матери... безумие. Это непостижимо. Если бы он все спланировал сам, с начала до конца – может быть. В его планы, уж конечно, не входила бы полуночная атака в лоб без всякой поддержки. Пластина экрана снова сверкнула, и он жестом велел Куин отойти. Снова появился Васа Луиджи.

– Адмирал Нейсмит, – кивнул он. – Я решил позволить вам отдать приказ вашему мятежному экипажу, чтобы он сдался моим людям.

– Мне не хотелось бы затруднять ваших людей, барон. Они ведь и так всю ночь не спали. Они устали и нервничают. Я сам заберу своих людей.

– Это невозможно. Но я гарантирую им жизнь. Личные штрафы за преступления будут определены потом.

Выкупы. Он подавил вспышку ярости:

– Это... возможный вариант. Но штрафы должны быть установлены заранее.

– Не вам диктовать условия, адмирал.

– Я только хочу избежать недоразумений, барон.

Васа Луиджи поджал губы:

– Хорошо. За рядовых – по десять тысяч бетанских долларов. За офицеров – по двадцать пять тысяч. За вашего капитана-гермафродита – пятьдесят. Если вы не желаете, чтобы мы сами занялись... Нет? Не вижу, зачем бы вам мог понадобиться ваш... э-э... собрат-клон, так что его мы оставим себе. Взамен я отказываюсь от претензий по материальному ущербу.

Свыше четверти миллиона. Майлз внутренне содрогнулся. Ну, это все-таки реально.

– Но я не могу сказать, что клон меня не интересует. Какую... цену вы назначите за его голову?

– Ну зачем он вам? – удивленно осведомился Васа Луиджи.

Майлз пожал плечами.

– Казалось бы, это очевидно. Моя профессия полна неожиданностей. Я – единственный, оставшийся в живых из моей серии клонов. Тот, которого я зову Марком, удивил меня не меньше, чем я – его, кажется. Мы оба не знали о существовании еще одного плана по клонированию. Где еще мне найти такого идеального... донора органов – и так быстро?

Васа Луиджи раскрыл ладони:

– Мы могли бы договориться и хранить его для вас.

– Если уж он мне понадобится, то срочно. В таких обстоятельствах я буду опасаться резкого подъема рыночных цен. Кроме того, бывают несчастные случаи. Вспомните о несчастном случае, который приключился с бедным клоном барона Фелла, который находился у вас.

Казалось, похолодало градусов на двадцать. Майлз мысленно проклял свой язычок. Судя по всему, здесь этот эпизод по-прежнему оставался тайной – или по крайней мере очень неприличным вопросом. Барон смотрел на него если и не с более глубоким уважением, то, во всяком случае, с большим подозрением.

– Если вы хотите, чтобы был изготовлен еще один клон с целью пересадки, адмирал, то вы обратились куда надо. Но этот клон не продается.

– Этот клон вам не принадлежит, – огрызнулся Майлз... Слишком стремительно, нет, надо сохранять спокойствие. Действовать хладнокровно, не показывать своих истинных чувств, притворяться этакой елейной личностью, которая действительно может заключить сделку с бароном Бхарапутрой и при этом не опасаться, что его вырвет от отвращения. Спокойствие. – Кроме того, вопрос в необходимых для этого десяти годах. Меня волнует не смерть от старости, а неожиданная и внезапная смерть. – Помолчав, он с героическим усилием выдал: – Конечно, вам нет необходимости отказываться от претензий по материальному ущербу.

– У меня нет необходимости вообще что бы то ни было делать, адмирал, – напомнил ему барон. Хладнокровно.

«Не слишком на это полагайся, джексо́нианский у́блюдок».

– А зачем вам нужен именно этот клон, барон? Если принять во внимание, насколько вам легко изготовить еще один.

– Не настолько. Его медицинская карта показывает, что там было немало сложностей.

Васа Луиджи постучал кончиком пальца по носу и улыбнулся без особого юмора.

– Вы планируете его наказать? Как предупреждение возможным последователям?

– Он, несомненно, отнесется к этому, как к наказанию.

Так, значит, на Марка действительно существуют какие-то планы. Или по крайней мере идея, которая пахнет выгодой.

– Надеюсь, это не относится к нашему барраярцу-родителю. Тот заговор давно скончался. Они знают о нас обоих.

– Признаюсь, его барраярские связи меня интересуют. И ваши барраярские связи тоже. По имени, которое вы себе присвоили, видно, что вам давно известно ваше происхождение. Каковы все же ваши отношения с Барраяром, адмирал?

– Неприятные, – признал он. – Они меня терпят. Я время от времени оказываю им услуги. За плату. Если не считать этого, мы взаимно друг друга избегаем. У Имперской службы безопасности Барраяра руки подлиннее, чем у дома Бхарапутра. Смею вас уверить, вы не заинтересованы в том, чтобы привлечь к себе их внимание.

Васа Луиджи приподнял брови, выражая вежливое недоверие.

– Родитель и два клона... Три идентичных брата. И все такие низенькие. Надо полагать, из вас получился бы один нормальный мужчина.

Не по делу. Барон пытается что-то из него выудить – информацию, надо полагать.

– Три, но едва ли идентичных, – сказал Майлз. – Оригинал, лорд Форкосиган – скучный зануда, как меня уверяют. Ограниченность своих способностей Марк, надо полагать, только что продемонстрировал. А я – усовершенствованная модель. Мои создатели планировали для меня вещи получше, но не слишком хорошо справились со своим делом, и я начал сам строить для себя планы. Похоже, два моих брата этому так и не научились.

– Хотел бы я поговорить с вашими создателями.

– Я тоже. Но, увы, они скончались.

Барон одарил его холодной улыбкой:

– А вы самоуверенный человек, а?

Майлз изобразил ответную улыбку и ничего не ответил.

Барон откинулся на спинку кресла:

– Мое предложение остается в силе. Клон не продается. Но каждые тридцать минут штрафы будут удваиваться. Я советую вам, адмирал, побыстрее заключить сделку. Лучших условий вам не добиться.

– Мне надо проконсультироваться с главным бухгалтером флота, – придумал Майлз проволочку. – В ближайшее время я снова свяжусь с вами.

– А как же... – пробормотал Васа Луиджи, чуть улыбаясь собственному остроумию.

Майлз быстро отключил комм. Его трясло от стыда и бессильной ярости.

– Но главного бухгалтера флота здесь нет, – напомнила Куин немного озадаченно. Лейтенант Боуни отбыла с Базом и остальными дендарийцами.

– Мне... не нравится сделка, которую предлагает барон Бхарапутра.

– Разве Служба безопасности не может выручить Марка потом?

– Служба безопасности – это я.

Спорить Куин не могла и замолчала.

– Мне нужна моя космическая броня, – капризно сказал он, горбясь в кресле.

– Она у Марка.

– Знаю. Полуброня. И мой командирский шлем.

– Тоже у Марка.

– Знаю. – Он хлопнул рукой по подлокотнику, и раздавшийся в тишине резкий удар заставил Куин вздрогнуть. – Тогда шлем командира отряда!

– Зачем? – поинтересовалась Куин. – Ты же уверял, что в данном случае донкихотство неуместно.

– Я устрою более выгодную сделку. – Он вскочил.

– Пошли.

* * *

Привязные ремни врезались ему в тело, когда катер отстрелил захваты и с нарастающим ускорением отвалил от борта «Перегрин». Майлз взглянул через плечо пилота, чтобы быстро проверить, как изгиб планеты скользит за фонарем и от корабля отходят два боевых катера прикрытия. За ними следовал второй транспортный катер «Перегрин» – вторая половина двусторонней атаки. Слабая попытка стратегии. Примет ли Бхарапутра это всерьез? Будем надеяться. Он снова сосредоточился на сверкающем мире данных своего командирского шлема.

В конце концов ему все же не пришлось довольствоваться сержантским шлемом. Он реквизировал капитанское снаряжение Элен Ботари-Джезек, оставшейся в тактическом центре на борту «Перегрин».

«Верни мне его без дырок, черт бы тебя побрал», – сказала она на прощание. Практически все, что было на нем, принадлежало кому-то другому. На слишком большом костюме с противонейробластерной сетью пришлось подвернуть манжеты и закрепить резинками на запястьях и щиколотках. Куин на этом настояла, а так как он больше всего боялся нейробластера, то спорить не стал. Поверх – мешковатая полевая форма – тоже на резинках. Ремни плазменного зеркала достаточно хорошо убрали лишнюю ткань вокруг тела. Две пары носков в одолженных кем-то ботинках. Все это ужасно раздражало, но было не главной его головной болью в попытке за тридцать минут подготовить налет на планету.

Самой большой заботой было место посадки. Охотнее всего он выбрал бы крышу здания Торна, но пилот катера высказал опасение, что весь дом рухнет, если они попытаются посадить на него катер, и, кроме того, крыша оказалась двускатной, а не плоской. Следующая самая близкая площадка была занята мертвым и брошенным катером «Ариэля». От третьего места

посадки, похоже, придется далеко идти, особенно на обратном пути, когда Служба безопасности Бхарапутры уже наверняка успеет предпринять контрмеры. Его любимым стилем атаки не был прямой подход к цели. Ну, может, сержант Кимура и Желтый отряд во втором катере заставят Бхарапутру поволноваться.

«Береги свой катер, Кимура. Теперь это наш единственный запасной вариант. Мне следовало бы привести сюда весь наш флот».

Он не обращал внимания на гроыхание и вопль торможения собственного катера, вошедшего в атмосферу. Превосходное падение на грани допустимого риска, но он был бы рад, если бы они падали еще быстрее. Пока же он следил за продвижением своего прикрытия по разноцветным шифрам и графикам на дисплее шлема. Изумленные бхарапутряне на истребителях, охранявших «Перегрин», обнаружили, что вынуждены делить свое внимание. Они потратили несколько бессмысленных выстрелов на «Перегрин», потом метнулись было за Кимурой, потом повернули, чтобы преследовать боевое построение Майлза. Один из катеров Бхарапутры за эту попытку был разнесен на куски, и Майлз шепотом похвалил пилота дендарийского истребителя. Ну, это легко. Вот обратный путь будет куда как веселее. Другие бхарапутряне, смутившись, отстали, чтобы дожидаться подкреплений. Майлз уже охватил боевой азарт – ощущение более странное и сладкое, чем наркотик. Это продлится несколько часов, а потом резко оборвется, оставив выгоревшую оболочку с запавшими глазами и севшим голосом. Стоит ли того?

«Да, если мы победим».

«Мы должны победить».

Когда они оказались прямо над местом происшествия, он еще раз попытался связаться с Торном. Бхарапутряне глушили главные каналы командной связи. Он попытался перейти на другие частоты и передать короткий запрос по коммерческим каналам, но ответа не получил. Следовало бы поручить кому-то следить за этими частотами. Ну ладно, когда они окажутся на месте, он сможет к ним пробиться. Он вызвал изображение медкомплеса: заплескали призрачные картинки. Если уж говорить о прямом подходе, на мгновение он соблазнился идеей приказать своим катерам-истребителям открыть огонь и прожечь траншею от намеченного места посадки к убежищу Торна, снеся с пути все лишние здания. Но траншея будет слишком долго остывать, и, кроме того, здания могут послужить прикрытием не только охранникам Бхарапутры, но и его отряду. Конечно, не настолько хорошим: бхарапутряне лучше знают расположение. Он прикинул возможность существования туннелей, подземных коммуникаций и воздухопроводов. Воспоминание о воздуховоде заставило его хмыкнуть и нахмуриться при мысли о Тауре, которая слепо пошла в эту мясорубку за Марком.

Яростное торможение наконец окончилось: вокруг них поднялись здания – превосходные пункты для снайперов, – и катер тяжело приземлился. Куин, которая, сидя напротив него, пыталась связаться с отрядом Торна, подняла глаза и просто сказала:

– Я поймала Торна. Попробуй канал 6-2-к. Пока только звук, изображения нет.

Переключившись на нужную частоту, Майлз вызвал своего бывшего подчиненного:

– Бел? Мы сели и направляемся за вами. Готовьтесь к прорыву. Там еще остались живые?

Ему не надо было видеть лица Бела, чтобы почувствовать, как оно скривилось. Но Бел хотя бы не стал тратить время на извинения и оправдания.

– Двое неходячих раненых. Рядовая Филиппи умерла примерно пятнадцать минут назад. Мы обложили ей голову льдом. Если вы сможете доставить переносную криокамеру, нам, возможно, удастся что-то спасти.

– О'кей, но у нас не будет времени с ней возиться. Начни готовить ее прямо сейчас. Нам надо действовать как можно быстрее.

Он кивнул Куин, и оба вышли из кабины пилота. Он приказал пилотам запечатать за ними двери.

Куин передала медику, с чем ему предстоит иметь дело, и первая часть Оранжевого отряда вырвалась из катера, заняв оборонительные позиции. Две небольшие бронированные машины на воздушной подушке последовали сразу же за ними, чтобы очистить все командные высоты от снайперов Бхарапутры, заменив их дендарийцами. Когда они доложили, что все очищено, Майлз с Куин вышли вслед за Голубым отрядом в холодный и влажный рассвет. Он оставил всю вторую половину Оранжевого отряда охранять катер, на тот случай, если бхарапутрянам вздумается повторить свой маневр.

Утренний туман чуть клубился у горячей обшивки катера. Небо стало жемчужным в неспешном наступлении утра, но здания медкомплекса по-прежнему нависали темными неосвещенными громадами. Вверх взвился воздушный мотоцикл, двое рядовых быстрой пробежкой двинулись вперед. За ними последовал Голубой отряд. Майлз сосредоточился, заставляя свои короткие ноги работать быстрее, чтобы не отстать от остальных. Ни одному длинноногому рядовому никогда не придется из-за него замедлять свое движение. Никогда! Ну по крайней мере на этот раз никому не пришлось его ждать, и он удовлетворенно хмыкнул, потратив последний запас дыхания. Отовсюду доносятся звуки стрельбы, видимо, охрана из Оранжевого отряда уже вовсю принялась за дело.

Они стремительно обогнули одно здание, прошли под прикрытием портика второго, потом миновали третье. Половина отряда то выходила вперед, то прикрывала остальных. Все получалось слишком легко. Комплекс напомнил Майлзу хищные цветы, в которых покрытые нектаром колючки отклонены назад. Проскользнуть внутрь таким маленьким жучкам, как он, легко. А вот попытка выбраться наружу лишает сил и в конце концов убивает...

Поэтому он испытал чуть ли не облегчение, когда взорвалась первая акустическая граната. Значит, бхарапутряне все-таки не придерживают все на закуску. Взрыв прозвучал немного в стороне и странно разнесся по проходам между домами. Граната не дендарийская – те звучат немного иначе. Он переключил каналы командирского шлема, чтобы следить за ходом боя: Оранжевый отряд расправлялся с гнездом бхарапутрянских охранников. Его тревожили не те охранники, которых удалось выкурить. Вот те, кого они не заметили... Он подумал, не выдвинул ли неприятель дополнительное оружие, стреляющее пулями или снарядами. Его холодило сознание недостающего элемента во взятой взаймы полуброне. Куин пыталась всучить ему свою броню, но ему удалось убедить ее, что, когда слишком большой доспех начнет хлопать при ходьбе, он осатанеет. «Осатанеет еще больше», – кажется, пробормотала она вполголоса, но он не стал просить объяснений. На этот раз он не намерен возглавлять кавалерийскую атаку, это определено.

Он сморгнул призрачный поток данных: отряд завернул за последний угол, спугнул трех-четырех затаившихся бхарапутрян и подошел к яслям. Большое приземистое здание с виду напоминало гостиницу. Разбитые двери вели в вестибюль, где призрачные защитники в сером камуфляже двигались за поспешно созданным прикрытием: сорванными с петель и укрепленными вертикально металлическими дверями. Быстрый обмен опознавательными знаками – и они прошли внутрь. Половина Голубого отряда мгновенно рассредоточилась, подменяя усталых защитников здания из Зеленого отряда. Вторая половина осталась охранять Майлза.

Медик протащил антигравитационную платформу с переносной криокамерой в двери, и его поспешно направили куда-то в глубину здания. Они предусмотрительно готовили Филиппи в отдельной комнатке, подальше от заложников-клонов. Первый шаг состоял в том, чтобы выпустить почти всю кровь пациента. В боевых условиях нечего и пытаться ее сохранить и законсервировать. Неаккуратная, поспешная и весьма непривлекательная процедура: неподходящее зрелище для людей слабонервных и неподготовленных.

– Адмирал, – раздался негромкий грудной голос.

Он резко обернулся, оказавшись лицом к лицу с Белом Торном. Лицо гермафродита было почти таким же серым, как и капюшон защитной сети. Несмотря на весь свой гнев, Майлзу было больно смотреть в это усталое, опустошенное лицо. Поражение. У Бела был вид человека, потерявшего все. И так оно и было. Они не обменялись ни единым словом обвинения или оправдания. В этом не было необходимости: все ясно читалось на лице Бела, и, как он подозревал, на его собственном тоже. Он кивнул в знак того, что видит Бела и все остальное.

Рядом с Белом стоял еще один солдат, верх шлема которого – «моего шлема!» – едва доставал до плеча Бела. Майлз почти забыл, как удивительно выглядит Марк.

«Неужели и у меня такой вид?»

– Ты... – У Майлза сорвался голос, так что ему пришлось замолчать и попробовать еще раз. – Позже, у нас с тобой будет длинный разговор. Похоже, ты очень многого не понимаешь.

Марк вызывающе вскинул голову.

«А у меня лицо не такое круглое». Наверное, это из-за капюшона.

– А как эти ребята? – сказал Марк. – Эти клоны?

– А что клоны?

Кажется, двое молодых людей в коричневых шелковых курточках и шортах помогали защитникам-дендарийцам, испуганные и взволнованные, но не озлобленные. Еще одна группа, девочки и мальчики вперемежку, сидели, явно перепуганные, на полу под зорким взглядом вооруженного парализатором рядового.

«Дьявольщина, они же действительно просто дети».

– Мы... ты должен взять их с собой. Или я останусь.

Зубы у Марка были сжаты, но Майлз заметил, как тот судорожно сглотнул.

– Нечего меня дразнить, – огрызнулся Майлз. – Конечно, мы их возьмем, иначе как мы, по-твоему, выберемся отсюда живыми?

Лицо Марка просияло. Он разрывался между надеждой и ненавистью.

– А потом? – подозрительно осведомился он.

– О, – саркастически пропел Майлз, – мы просто заявимся на станцию Бхарапутра, высадим их и вежливо поблагодарим Васа Луиджи за то, что он нам их одолжил. Идиот! Что, по-твоему, может быть потом? Погрузимся и бросимся наутек. Единственное, куда их можно будет посадить, это в космос, и могу гарантировать, что ты отправишься первым!

Марк содрогнулся, но сделал глубокий вдох и кивнул:

– Ну тогда ладно.

– Вовсе – даже – не – ладно, – отчеканил Майлз. – Просто... просто... – Он не нашел слов, которые могли бы охарактеризовать, что просто, если не считать, что это просто самая глубокая лужа, в которую ему доводилось садиться. – Если уж ты собрался выкинуть вот такую идиотскую штуку, то почему бы не посоветоваться с родственником-специалистом?

– С тобой? Обратиться к тебе за помощью? Ты что, считаешь меня сумасшедшим? – разъяренно спросил Марк.

– Да...

Их прервал изумленный парнишка-блондин, рассматривавший их, разинув рот.

– Так вы и правда клоны, – изумленно сказал он.

– Нет, мы близнецы, родившиеся с интервалом в шесть лет, – огрызнулся Майлз. – Да, мы такие же клоны, как и вы. Ну надо же, догадался! А теперь возвращайся, садись и слушайся приказов, черт побери!

Парнишка поспешно отступил, шепча:

– Это правда!

– Чертовщина, – тихонько заскулил Марк. – Почему это вдруг они поверили тебе, а не мне? Это несправедливо!

Голос Куин в шлеме прервал семейную встречу:

– Майлз, если вы с Дон-Кихотом-младшим завершили обмен приветствиями, то медик Норвуд подготовил и загрузил Филиппи и раненые готовы к отправке.

– Выстраивайтесь, давайте отправлять первую партию. – Он вызвал сержанта Голубого отряда: – Фрэммингем, возглавьте первый конвой. Готовы?

– Готовы. Сержант Таура их собрала.

– Идите. И не оглядывайтесь.

Полдюжины дендарийцев, примерно вдвое больше ошеломленных и измученных клонов и двое раненых рядовых на антигравитационных платформах собрались в вестибюле и вышли через разбитые двери. Похоже, Фрэммингему не слишком приятно было использовать двух юных девушек в качестве заслона от стрелкового оружия: его темно-шоколадное лицо было мрачным. Но бхарапутрянским снайперам придется очень-очень тщательно целиться. Дендарийцы заставили клонов двигаться если не бегом, то хотя бы рысцой. Не прошло и минуты, как за первой группой ушла вторая. Майлз включил на периферии своего зрения связь с обоими руководителями, по одной с каждой стороны, и в то же время напрягал слух, пытаясь уловить смертоносный вой оружия.

Неужели проскочим? Сержант Таура вывела в вестибюль последнюю группу клонов. Она приветствовала его взмахом руки: ей даже секунды не понадобилось, чтобы разобраться, где он, а где Марк.

– Рада видеть вас, сэр, – пророкотала она.

– Взаимно, сержант, – искренне отозвался он. Если бы Марк ухитрился убить Тауру, то он никогда не смог бы с ним примириться. В какой-то более удобный момент необходимо будет выяснить, как это Марку удалось ее провести и на каком уровне интимности. Но позже.

Таура придвинулась к нему и прошептала:

– Мы потеряли четырех ребятишек – сбежали к бхарапутрянам. Меня от этого как-то мутит. Нет возможности?..

Он с сожалением покачал головой:

– Никакой. На этот раз никаких чудес. Нам надо хватать то, что можем, и смываться, чтобы не потерять все.

Она кивнула, прекрасно осознавая тактическую ситуацию. Но, к несчастью, от понимания легче не становилось.

Медик Голубого отряда вывез большую антигравитационную платформу с криокамерой. Прозрачная часть сверкающего цилиндра была прикрыта одеялом, чтобы защитить обнаженное тело пациента от посторонних взглядов. Таура заставила клонов встать.

Бел Торн осмотрелся.

– Я здесь все ненавижу, – сказал он ровным голосом.

– Может, нам удастся на этот раз разбомбить тут все, когда будем улетать, – так же ровно ответил Майлз. – Наконец-то.

Бел кивнул.

Целая толпа – около пятнадцати последних клонов, платформа, арьергард дендарийцев, Таура и Куин, Марк и Бел – просочилась через входные двери. Майлз поднял глаза с таким чувством, будто у него на шлеме нарисована аккуратненькая мишень, но движущаяся на крыше противоположного дома фигура была одета в серый дендарийский камуфляж. Хорошо. На дисплее справа появилась информация, что Фрэммингем со своей группой добрались до катера без происшествий. Еще лучше. Он отключил связь с Фрэммингемом, уменьшил звук на канале связи со вторым руководителем до чуть слышного бормотания и сосредоточился.

Его размышления были прерваны голосом Кимуры: первый выход на связь командира Желтого отряда, высадившегося на другой стороне города.

– Сэр, сопротивления почти нет. Они нам не поверили. Насколько далеко мне надо зайти, чтобы заставить принимать нас всерьез?

– Как угодно далеко, Кимура. Тебе просто необходимо отвлечь внимание бхарапутрян. Оттягивайте их силы, но не рискуйте собой и в особенности своим катером.

Майлз надеялся, что лейтенанту Кимуре сейчас не до размышлений о несколько шизоидальной логике подобного приказа.

И тут снайперы Бхарапутры громко заявили о себе – в буквальном смысле слова: примерно в пятнадцати метрах перед ними взорвалась акустическая граната. Она пробила дыру в дорожке, и через несколько мгновений на них обрушился дождь раскаленных осколков – пугающих, но не слишком опасных. Он почти оглох, и поэтому вопли клонов показались странно тихими.

– Надо идти, Кимура. Соображай сам, ладно?

Промых был не случайным, понял Майлз, когда плазменным огнем зажгли дерево справа и стену слева от них. И то, и другое вспыхнуло. Их специально брали в вилку, чтобы посеять панику среди клонов, и это великолепно сработало: они начали увертываться, падать, хвататься друг за друга, кричать... Еще парочка таких попаданий – и разбегутся кто куда. И тогда их уже не соберешь. Плазменный огонь ударил прямо в одного из дендарийцев, демонстрируя, что бхарапутряне могут и это. Зеркальный экран поглотил плазменный луч и отбросил его с обычной адской голубой вспышкой, еще сильнее напугав ребятишек. Более опытные бойцы встретили огонь спокойно. Судя по углу обстрела, бхарапутряне находились главным образом над ними.

Таура посмотрела на паникующих клонов, огляделась, подняла плазмотрон и разнесла двери ближайшего строения – то ли склада, то ли гаража.

– Заходи! – зычно крикнула она.

Это было удачное решение: если уж они готовы бежать, то побегут хотя бы все в одном направлении. Если только не останутся внутри. Если они снова позволят окружить себя и обезвредить, то старший брат на выручку уже не придет.

– Двигайтесь! – поддержал ее Майлз. – Но только не останавливайтесь! Выходите с противоположной стороны!

Она махнула рукой, подтверждая, что слышит, и ребятишки кинулись из зоны обстрела туда, где, им казалось, безопаснее. Майлз боялся, что они теперь в ловушке, но клонам необходимо держаться вместе. Если есть что-то худшее, чем попасть в западню, так это рассеяться и дать себя переловить поодиночке. Он пропустил всех вперед и двинулся следом. Двое рядовых Голубого отряда отступали последними, стреляя из плазмотронов вверх. Он рассчитывал, что это будет только предупреждающий огонь, но одному из рядовых повезло. Его выстрел достал одного бхарапутрянина, который опрометчиво попытался перебежать по краю крыши. Полуброня поглотила огонь, но солдат споткнулся и упал, страшно закричав. Майлз попытался не услышать звука падения об асфальт – и не смог. Крик оборвался.

Майлз повернулся и бросился по коридору к двустворчатым дверям, где его ждал Торн.

– Я буду замыкающим, – вызвался Торн.

Может, Торн мечтает героически погибнуть, избежав тем самым неизбежного трибунала? На мгновение Майлзу страшно захотелось это ему позволить. Очень по-форовски. Иногда истинные форы ведут себя совершенно по-идиотски.

– Ты поведешь клонов к катеру, – огрызнулся Майлз. – Заканчивай дело, за которое взялся. Если уж мне приходится столько платить, я хочу получить то, за что плачу.

Торн оскалил зубы, но кивнул. Оба помчались за отрядом.

За двустворчатыми дверями оказалась громадная комната с цементным полом. Высоко под потолком шли красные и зеленые переходы, увешанные таинственными кабелями. Тусклые лампы отбрасывали неверные тени. Он заморгал в полумраке и чуть было не решил опустить инфракрасный фильтр. Похоже, они попали в какой-то сборочный цех, хотя сейчас здесь

пусто. Куин с Марком медлили, поджидая его, и не хотели обращать внимания на то, что Майлз жестами приказывал им двигаться дальше.

– Чего ради вы остановились? – рявкнул он, резко тормозя рядом с ними.

– Осторожнее! – заорал кто-то. Куин резко обернулась, поднимая плазмотрон, выискивая цель. Марк глупо разинул рот и оцепенел.

Майлз заметил бхарапутрянина – на какую-то долю секунды они ошеломленно застыли, уставившись друг на друга. Отряд вражеских снайперов, видимо, вышел из туннелей. Они бес-толково суеились среди подпорок и казались столь же ошарашенными, как и преследуемые ими дендарийцы. Бхарапутрянин направил прямо на него какое-то огнестрельное оружие, и сверкнула вспышка.

Майлз, конечно, не мог увидеть снаряд – даже когда он попал ему в грудь. Только его грудная клетка вдруг раскрылась, словно цветок. И звук – не слышный, а только ощутимый, отбросивший его назад, словно ударом кувалды. И в его глазах тоже расцвели темные цветы, закрыв весь мир.

Он был удивлен – не тем, что успел передумать (для мыслей времени не было), но тем, сколько успел перечувствовать за те недолгие секунды, пока последняя кровь не пробежала через его мозг... Стены, бешено закрутившиеся вокруг него – бездонная пропасть боли, ярость и гнев, – и краткий миг неизмеримо глубокого сожаления.

«Постойте, я еще не...»

Глава 7

Марк стоял так близко, что взрыв снаряда он воспринял как внезапно наступившую тишину. Все произошло так быстро, что он не успел ничего осознать, не успел даже зажмуриться, чтобы защитить себя от ужасного зрелища. Маленький человечек, который только что орал и жестами приказывал им идти вперед, вдруг упал навзничь, раскинув руки. Струя крови ударила в Марка с обжигающей силой.

«Так. Значит, ты тоже можешь ошибаться, – было его первой абсурдной мыслью. Эта абсолютная беззащитность невыносимо его потрясла. – Я не думал, что ты можешь быть ранен. О черт, я не думал, что ты можешь быть...»

Куин закричала, все вдруг отшатнулись, а потом застыли на месте. Майлз лежал на цементном полу с разнесенной взрывом грудной клеткой, с открытым ртом, без движения.

«...убит».

Марку уже приходилось видеть мертвеца, тут ошибиться невозможно.

Куин, задыхаясь от ярости, поливала плазменной струей бхарапутрян. Она не могла остановиться, пока раскаленные куски потолка не посыпались чуть ли не на голову им самим. В этот момент кто-то из дендарийцев отвел ее руку в сторону.

– Таура, достань их! – Куин указала вверх.

Таура стрельнула вверх захватом, зацепившимся за потолочную балку. Она поднялась на полной скорости, словно бешеный паук. В пятнах света и тени Марку трудно было уследить за ее продвижением: она с нечеловеческой быстротой понеслась по переходам, и вскоре вниз посыпались охранники дома Бхарапутра. Вся их полуброня по последнему слову техники оказалась бессильна перед громадными когтистыми руками. Три человека упали, обливаясь кровью, с разорванными глотками. Одного из рядовых дендарийцев, перебежавшего через помещение, чуть не пришибло вражеским телом. Современные военные действия не должны сопровождаться подобным кровопролитием: обычно оружие аккуратненько всех поджаривает, словно раков в панцирях.

Куин не обращала на это ни малейшего внимания, словно результаты приказа уже не имели к ней никакого отношения. Она нерешительно опустилась на колени рядом с Майлзом. Потом вдруг стянула с него командирский шлем. Швырнув свой шлем на пол, она надела поверх гладкого серого капюшона шлем Майлза. Ее губы зашевелились, устанавливая контакт, проверяя каналы связи... Она отдала приказы охране периметра, соединилась с катером... И еще один приказ:

– Норвуд, возвращайся сюда, возвращайся сюда! Да, неси ее, неси сейчас же! Быстро, Норвуд! – Она только на одну секунду отвела взгляд от Майлза, чтобы крикнуть: – Таура, обеспечь охрану этого строения!

Сверху сержант моментально начала выкрикивать приказы своим людям.

Куин вытащила вибронож из ножен на поясе и стала взрезать полевой мундир Майлза, вспарывая ремни и нейробластерный костюм, отбрасывая в сторону окровавленные лоскуты. И тут подоспел медик с антигравитационной платформой. Он затормозил и опустил платформу на пол рядом с погибшим командующим. Полдюжины ошарашенных клонов шли за медиком гуськом, как утята, и теперь застыли, сбившись в кучку и с ужасом взирая на отвратительные последствия короткого, но бурного боя.

Медик переводил взгляд с тела Майлза на загруженную криокамеру.

– Капитан Куин, это бесполезно. Двое туда не поместятся.

– Черта с два бесполезно. – Куин, шатаясь, поднялась на ноги. Кажется, она не осознавала, что у нее по лицу текут слезы. – Черта с два. – Она безнадежно посмотрела на сверкающую криокамеру. – Вываливай ее.

- Куин, я не могу!
- Мой приказ. На моей совести.
- Куин! – в его голосе слышалась мука. – Разве он отдал бы такой приказ?
- Он только что потерял право голоса. Ладно. – Она судорожно вздохнула. – Я это сделаю.

Начинай его готовить.

Сжав зубы, медик послушно начал выполнять приказ. Он достал лоток с инструментами. Инструменты были в беспорядке, ими уже воспользовались и поспешно убрали обратно. Он выкатил несколько больших теплоизолированных бутылей.

Куин раскрыла камеру. Раздался хлопок, когда нарушилась герметичность, и крышка распахнулась. Она просунула руки внутрь, расстегивая что-то, Марк не видел что. И не хотел бы видеть. Она зашипела от боли, когда мгновенно замерзшая кожа на руках начала отслаиваться, но снова сунула руки обратно. Охнув, она вытащила из камеры зеленоватое, усеянное синяками обнаженное тело женщины и положила его на пол. Это была разбившаяся рядовая с мотоцикла, Филиппи. Патруль Торна, несмотря на обстрел бхарапутрян, в конце концов нашел ее рядом с упавшим воздушным мотоциклом. Перебитый позвоночник, переломанные руки и ноги... Она умирала несколько часов, несмотря на героические попытки медика Зеленого отряда ее спасти. Куин подняла голову и заметила, что Марк на нее уставился. Ее лицо искажало отчаяние.

– Ты... нечего тарашиться... заверни ее, – прошипела Куин и поспешила туда, где медик Голубого отряда стоял на коленях рядом с Майлзом.

Марк наконец вышел из оцепенения, засуетился, отыскал среди медицинских припасов тонкую теплозащитную фольгу. Он боялся мертвого тела, но еще больше он боялся Куин. Расстелив серебристое покрывало, он перекатил на него холодную мертвую женщину. Под его робкими пальцами тело было холодным и жестким.

Распрямившись, он услышал, как медик бормочет, глубоко запустив руки без перчаток в кровавое месиво, бывшее когда-то грудью Майлза Форкосигана:

– Не могу найти вход. Где, к дьяволу, вход? Хоть аорта чертова, хоть что...

– Уже больше четырех минут, – прорычала Куин, вытащила свой вибронож и перерезала Майлзу горло. Она сделала два аккуратных разреза.

Медик поднял глаза и спокойно сказал:

– Проследи за тем, чтобы взять сонную артерию, а не яремную вену.

– Я пытаюсь. На них не написано. – Она отыскала что-то бледное и резиновое. Вытащив трубку из горлышка термоизолированной бутылки, она засунула ее пластиковый конец-сопло в якобы артерию и включила питание: крошечный насос зажужжал, проталкивая прозрачную зеленоватую жидкость через прозрачные трубки. Вытащив из бутылки вторую трубку, она вставила ее в разрез по другую сторону шеи Майлза. Из рассеченных вен хлынула кровь и потекла по рукам, кровь не пульсировала, как при работе сердца, а текла ровным механическим потоком. Она растеклась по полу сверкающей лужей, а потом стала уходить по какому-то незаметному наклону для слива маленьким карминовым ручейком. Невероятное количество крови. Сбившиеся в кучку клоны плакали. У самого Марка голова пульсировала болью, такой сильной, что в глазах потемнело.

Куин все продолжала закачивать жидкость, пока наружу не потекла такая же зелено-ватопрозрачная. Тем временем медик, похоже, нашел тот вход, который искал, и закрепил еще две трубки. Новая кровь, смешанная с криожидкостью, волной выхлестнулась из раны. Ручеек превратился в реку. Медик стянул с Майлза ботинки и носки и приложил датчики к его бледнеющим ступням.

– Почти порядок... Черт, все истратилось.

Он бросился к своей бутылке, которая отключилась и замигала красным индикатором.

– Я использовала все, что было, – сказала Куин.

– Этого, наверное, хватит. Они оба были маленькие. Поставь зажимы... – Он швырнул ей что-то блестящее, что она поймала на лету. Они склонились над маленьким телом. – Ну, в камеру, – решил медик.

Они поспешно положили его в криокамеру, оставив на полу кучу пропитанных кровью обрывков мундира. Куин, предоставила последние подключения медику и отвернулась, невидяще уставившись в пространство. Она не смотрела на длинный серебристый пакет у своих ног.

Рысцой прибежал Торн. Где он был? Торн поймал взгляд Куин и, указав на бхарапутрян, доложил:

– Они точно пришли через туннели. Я сейчас поставил охрану у всех выходов.

Торн безнадежно нахмурился на криокамеру. Гермафродит вдруг оказался... пожилым. Нет, даже не пожилым – старым.

Куин отреагировала на это кивком.

– Переключись на канал 9-В. У нас неприятности снаружи.

Несмотря на шок, Марк вдруг почувствовал нечто вроде мрачного любопытства и снова включил свой шлем. Он бессильно и безнадежно отключил его уже много часов назад, когда Торн отнял у него командование. Теперь Марк с интересом следил за передачами капитанов.

Заградительные посты Голубого и Оранжевого отрядов находились под сильнейшим давлением усиленных отрядов охраны дома Бхарапутра. Задержавшаяся в этом здании группа Куин притягивала бхарапутрян, жужжавших вокруг, словно мухи вокруг падали. Две трети клонов находились уже в катере, и тяжелый огонь прекратился, но воздушные подкрепления собирались быстро, кружа над ним, как коршуны. Куин и группа прикрытия вот-вот будут отсечены и окружены.

– Должен быть другой путь, – пробормотала Куин, переключая каналы. – Лейтенант Кимура, как у вас? Соппротивление все еще вялое?

– Оно дивно оживилось. – Высокий, странно жизнерадостный голос Кимуры пробивался через волны разрядов, говоривших о плазменном огне и включении его зеркального противоположного поля. – Мы достигли цели и выходим из боя. Пытаемся. Поболтаем потом, ладно?

Опять помехи.

– Какой цели? Позаботься о своем чертовом катере, слышишь, парень? Тебе еще, может, придется лететь за нами. Свяжись со мной в ту же секунду, как окажешься в воздухе.

– Ладно. – Небольшая пауза. – А почему по этому каналу не говорит адмирал, Куини?

Куин зажмурилась от боли:

– Он... временно недосыгаем. Шевелись, Кимура!

Ответ Кимуры, какой бы он ни был, потонул в сумятице помех. В шлеме Марка не было заложено никакой программы относительно Кимуры и его цели, но похоже, что лейтенант выходит на связь не из медкомплекса. Ложный выпад? Если так, то Кимура отвлек от них недостаточно много охранников. Канал сержанта Фрэммингема, находящегося в катере, настоятельно призывал Куин спешить – и почти одновременно заградительные силы Оранжевого отряда доложили, что их вытеснили с еще одной выгодной позиции.

– Катер может приземлиться на крышу этого здания и забрать нас? – спросила Куин, разглядывая балки на потолке.

Торн хмуро проследил за ее взглядом:

– Думаю, он проломит крышу.

– Дьявол. Есть еще идеи?

– Вниз, – неожиданно вмешался Марк. Оба дендарийца дернулись и еле успели удержаться и не упасть на пол. – Через туннели. Бхарапутряне пришли сюда – мы можем уйти отсюда.

– Там настоящий лабиринт, – возразила Куин.

– У меня есть план, – сказал Марк. – У всего Зеленого отряда он есть, в программах. Зеленый отряд может нас вести.

– Так что же ты раньше молчал? – рявкнула Куин, нелогично забыв о том, что этого «раньше» практически и не было.

Торн кивнул, подтверждая его слова, и начал быстро проследить маршрут по объемной голокарте шлема.

– Реально. Мы окажемся в здании позади твоего катера, Куин.

Там заграждения почти нет. А внизу численное превосходство им не поможет.

Куин уставилась на пол.

– Ненавижу грязь. Мне нужен вакуум и простор для действий. Ладно, пошли. Сержант Таура!

Поспешные сборы, еще несколько взорванных дверей – и небольшой отряд снова двинулся вперед, вниз по лифтовой шахте, в подземные коммуникации. Передовые разведывали путь перед основным отрядом. Таура и полдюжины клонов несли завернутое тело Филиппи, уложенное на три металлических прута, которые она оторвала от перил переходов. Словно у мотоциклистки еще осталась какая-то слабая надежда на воскресение.

Марк обнаружил, что шагает рядом с криокамерой, которую тащил обеспокоенный медик. Краешком глаза он заглянул под прозрачную крышку. Его родитель лежал с открытым ртом, бледный, синегубый и неподвижный. Иней перьями оседал на швах, с радиатора охлаждающего элемента сорвалась волна отводимого тепла. На инфракрасном скопе противника такая волна вспыхнет костром. Марк задрожал и весь сжался. Как холодно, как хочется есть.

«Будь ты проклят, Майлз Форкосиган. Я так много хотел сказать тебе, а теперь ты не слушаешь».

Прямой туннель привел их в просторный вестибюль. Сколько здесь разных ответвлений и перекрестков... Лифтовые шахты, пожарные лестницы, еще туннели, чуланы... Все двери распахнуты или взорваны их авангардом, выискивавшим бхарапутрян. В воздухе резко пахло дымом и плазменным огнем. К сожалению, здесь авангард нашел то, что искал.

Погас свет. Вокруг Марка на шлемы всех дендарийцев опустились фильтры: они перешли на инфракрасный обзор. Он сделал то же и потерянно уставился на мир без красок. Два передовых дендарийца из разных коридоров вбежали обратно в вестибюль, стреляя из плазмотронов. Четверо бхарапутрян в полуброне выскочили из лифтовой шахты, разделив колонну Куин пополам, и они оказались втянутыми в рукопашный бой. Марка случайно сбил с ног дендариец, и он пригнулся рядом с антигравитационной платформой.

– Она не защищена, – простонал медик, шлепая по криокамере, когда над самыми их головами хлестнул плазменный луч. – Одно прямое попадание, и...

– Тогда в лифтовую шахту! – заорал Марк. Медик кивнул, задвигая платформу в ближайшее темное отверстие, где не было бхарапутрян. Шахта оказалась отключенной, иначе противодействующее гравиполе могло бы замкнуть цепи и на платформе, и в камере. Медик взгромоздился на криокамеру, словно на лошадь, и начал медленно спускаться вниз. За ним на руках по запасной лестнице начал спускаться еще один рядовой. Плазменный огонь три раза почти без интервалов ударил в Марка, снова сбив его с ног. Его зеркальная защита взревела, рассыпая голубые искры, и он перекатился к шахте через волны жара. Цепляясь за лестницу, он ушел из зоны обстрела.

Но ненадолго. В отверстии над ними сверкнул шлем бхарапутрянина, и огонь плазмотрона ударил вниз по лифтовой шахте, словно молния. Рядовой помог медику вытолкнуть платформу в самый нижний проход и нырнул следом. Марк пробрался за ними, ощущая себя живым факелом, опутанным шумным голубым свечением. Который это уже выстрел? Он потерял счет. Сколько еще сможет выдержать его защита?

Рядовой приготовился стрелять, целясь в лифтовую шахту, но бхарапутрянин за ними не полез. Они стояли в темноте и тишине – сверху в шахту доносились выстрелы и крики боя наверху. Этот вестибюль поменьше, и из него только два выхода. Тусклое желтое аварийное освещение вдоль пола казалось обманчиво теплым.

– Черт, – сказал медик, глядя вверх. – Кажется, мы только что дали себя отрезать.

– Не факт, – возразил Марк. Медик и рядовой были не из Зеленого отряда. Он включил план, нашел их местоположение и предоставил компьютеру шлема проложить маршрут. – С этого уровня туда тоже можно добраться. Путь немного более кружной, но именно поэтому меньше вероятности наткнуться на бхарапутрян.

– Ну-ка я посмотрю, – потребовал медик.

Нехотя, но с облегчением, Марк отдал ему свой шлем. Медик нахлобучил его себе на голову и стал смотреть на красную линию, змеящуюся по трехмерному изображению мед-комплекса. Марк рискнул бросить быстрый взгляд вверх, в лифтовую шахту. Бхарапутрян не видно, и звуки боя стали более приглушенными. Он нырнул обратно, поймав на себе неприязненный взгляд рядового.

«Да, я не ваш чертов адмирал. Очень жаль, правда?»

Рядовой явно считал, что бхарапутряне пристрелили не того коротышку. Чтобы понять это, Марку даже не нужны были слова. Он ссутулился.

– Угу, – решил медик. Было видно, как он сжал челюсти.

– Если вы поторопитесь, то можете оказаться там даже раньше капитана Куин, – сказал Марк. Он по-прежнему держал шлем медика. Сверху больше ничего не слышно. Что ему теперь делать? Догонять отряд Куин или остаться охранять платформу? Он не знал, что страшнее – Куин или огонь противника. Но, очевидно, оставаясь с криокамерой, он все-таки в большей безопасности.

Он сделал глубокий вдох:

– Вы... оставьте себе мой шлем. Я возьму ваш. – Медик и рядовой смотрели на него, словно отталкивая. – Я пойду за Куин и клонами.

Его клоны. А какое, собственно, дело Куин до их жизни?

– Ну так иди, – сказал медик. Они с рядовым вывели платформу за двери и не оглянулись. Они явно решили, что он не помощник, а обуза, и были рады от него избавиться.

Он мрачно начал карабкаться вверх по лифтовой шахте. Оказавшись на уровне пола, он осторожно осмотрел вестибюль. Немалые разрушения. К удушающему дыму автоматическая противопожарная система добавила еще и пар. Одно тело в коричневой форме неподвижно лежало на полу. Пол мокрый и скользкий. Он вылез из шахты и неуверенно бросился в коридор, по которому должны были уйти дендарийцы, если не изменили намеченный маршрут. Новые следы плазменного огня убедили его в том, что он на верном пути.

Марк завернул за угол, резко затормозил и снова кинулся назад, чтобы спрятаться. Бхарапутряне его не заметили: они смотрели в противоположную сторону. Он отступил обратно по коридору, неловко переключая каналы незнакомого шлема, пока не связался с Куин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.